

**Легенда
преступного мира**

ПОВЕСТЬ

Последний месяц осени — ноябрь. Уже почти оголившийся лес задумчиво ждет скорого прихода зимы. По мутновато-сизому небу медленно плывут переполненные влагой тяжелые облака, которые время от времени изливают на землю холодный дождь. Мужчина в охотничьем камуфляже и с двустволкой на плече неспешно идет через чащи березняков и осинников в сторону лесного озера. Охотничьи сапоги путаются в желто-бурой мешанине разросшихся за лето трав. Скоро уже конец осеннего охотничьего сезона на водоплавающих, скоро последняя дичь улетит в теплые края. Вон на Кривом озере сегодня вообще ничего добыть не удалось. Хотя пару дней назад там кое-какие пернатые еще гоготали и кричали. Может быть, на Вороньем повезет больше? Там уток и гусей всегда было в избытке. Вот только неясно, будет ли добыча в этот раз?

Неожиданно охотник замечает метнувшуюся в кусты крупную лисицу. Та, вовремя почуяв приближение человека, исчезает в зарослях кустарника. «Да, повезло ей», — мысленно констатирует охотник. Охота на псовых по срокам уже разрешена. Впрочем... Путевку на добычу лисиц вовремя он не купил? Нет, не купил. Значит, для него лично и охоты на этого зверя нет. А если стрелять по зверю, не имея путевки, так это уже не охота, а браконьерство... Прямо как в истории с тем известным общественным деятелем, который, застрелив стельную лосиху, потом уверял с телеэкранов, что перепутал ее с кабаном. Впрочем, у этого «близорукого» гражда-

нина вроде бы лицензии не было и на кабана... Вспомнив эту историю, охотник невольно рассмеялся. Его вдруг заинтересовало: а что там, за кустом боярышника, могла искать рыжехвостая? Мышей промышляла или еще что-то? Может, глянуть?

Сойдя со своего маршрута, охотник повернул налево и направился к кусту боярышника, все еще усеянному темно-красной ягодой. Придерживая рукой приклад, цепляющийся за ветки кустарника, мужчина обошел куст и увидел среди осенних листьев, покрывающих землю, выкопанную лисицей ямку. В ней было что-то черное и пугающе красное. Подойдя вплотную, охотник взгляделся в ямку и, удивленно охнув, отшатнулся назад.

— Черт возьми! — ошарашенно выдохнул он.

Зябко передернув плечами и оглядевшись по сторонам, охотник неумело, наспех, перекрестился. Еще бы! Такое он видел впервые в жизни: на дне углубления, вырытого лисьи лапами, чернел рукав ветровки из кожзаменителя. А вот из рукава-то!.. Из рукава выглядывала кисть человеческой руки, уже частично обглоданная лесной хищницей.

Охотник торопливо достал сотовый телефон и, подрагивающими руками набрав трехзначный номер полиции, нажал на кнопку вызова. Откликнувшемуся дежурному райотдела он сбивчиво рассказал о своей страшной находке в лесу.

— ...Это лес за Ушатовкой, в стороне Вороньего озера, — пояснил он своему собеседнику. — Доезжайте до Кривого, там увидите мою «Ниву», она синего цвета, а оттуда уже пешком — к Вороньему. Да, да, буду ждать! Высылайте сотрудников.

Меньше чем через полчаса к месту обнаружения трупа неизвестного прибыла опергруппа. Старший опергруппы, представившийся как капитан Рогожин, осмотрев место захоронения, сделал вывод, что труп здесь находится дней пять-семь — не более того. По его мнению, тело этого человека зарыли люди, сведущие в маскировке.

— О, как замели следы! — покачал он головой. — Рядом пройдешь и не догадаешься, что тут чья-то могила.

Когда место захоронения было заснято на фото- и видеокамеру, когда сотрудники тщательно осмотрели территорию вокруг куста боярышника, лесная могила была раскопана. В ней опера увидели молодого мужчину лет тридцати-сорока, рослого и крепкого. Одет он был в новенькую черную ветровку из кожзаменителя и синие джинсы. Еще на нем был легкий светло-серый джемперок, из-под которого виднелась рубашка бежевого цвета. Обут он был в обычные туфли черного цвета. Каких-либо документов при нем не оказалось. Зато во внутреннем кармане ветровки лежала сторублевая купюра, сложенная пополам, с надписью шариковой авторучкой: «На билет в ад!»

Несколько ошарашенные такой вот «шуткой юмора», опера сразу же поняли, что это убийство, скорее всего, кем-то было совершено из мести. Но кто он, этот усопший? Кто и как его убил? Впрочем, личность неизвестного удалось установить довольно быстро. Санитары морга центральной клиники судебной медицины, прибывшие за телом убитого, лишь взглянув на него, тут же воскликнули:

— Ну вот он и нашелся, пропавший без вести Дмитрий Токарнов!

— А вы откуда знаете, кто это такой? — удивился Рогожин.

— Да к нам уже раз пять приезжали и родичи его, и журналисты из всевозможных газет, журналов и с телевидения... Мол, не попадал ли к вам вот такой-то человек. Фото его то и дело показывали. Как тут не запомнить?

— А-а-а, Дмитрий Токарнов? — стукнув себя пальцами по лбу, припомнил опер с тонкими рыжеватыми усами. — Было, было! Нам же на него присылали ориентировку. Сегодня у нас среда? Значит, где-то в прошлый вторник по городскому ТВ объявляли, что пропал без вести журналист Дмитрий Токарнов. Он работал в газете... Как ее? О! «Кримин-лайф»! А еще на коммерческом телеканале вел передачу с таким же названием.

— Да, да, да, припоминаю, — на колене заполняя бумаги и о чем-то думая, согласился капитан, — такая ориентировка

была. Правда, сейчас он мало похож на изображенного на фотографии человека. Видимо, сказалось пребывание в земле. У вас с собой документы есть? — взглянул он на охотника.

— Да, разумеется, — кивнул тот. — Вот паспорт, охотничий билет, путевка, документы на охотничье оружие...

— Ага, — Рогожин взглянул на охотничью ксиву. — Красилинский Геннадий Алексеевич... Так... Так... Ваш домашний адрес? Телефон?..

Записав всю интересовавшую его информацию, капитан спросил — не был ли Красилинский знаком с Токарновым. Тот пояснил, что в «Кримин-лайфе» материалы данного журналиста он читал не раз, видел его на экране телевизора, но лично они знакомы никогда не были.

— ...Он действительно на самого себя, каким его я видел по телевизору, не слишком похож, — охотник отрицательно покачал головой. — Вот если бы сейчас санитары не сказали, что это — Токарнов, я бы никогда и не догадался, что это он. Да-а-а, жаль, что его убили. Статьи писал он сильные. Думаю, многие после них чесались. Вот, видать, за статьи и убили.

— Да, похоже на то, — согласился капитан. — Вот здесь, здесь и здесь распишитесь!

Когда все положенные в подобных случаях процедуры и мероприятия были закончены, первыми место происшествия покинули санитары, которые унесли на носилках тело убитого, а следом за ними отбыли и опера. Охотнику отчего-то вдруг расхотелось идти к Вороньему озеру (да какая тут может быть охота?!), и он вслед за всеми побрел к своей «Ниве», размышляя о бренности земного бытия. После этого в лесу настала тишина, нарушаемая лишь шумом крон деревьев, которые шевелил сырой осенний ветер.

...Полковник Лев Гуров, старший оперуполномоченный главка угрозыска, сидел у окна плацкартного вагона, глядя на проносящиеся мимо осенние пейзажи. Он возвращался в Москву с регионального семинара-совещания сотрудников уголовного розыска, проходившего в Рязани. Изначально поучаствовать в нем планировал сам начальник главка,

генерал-лейтенант Орлов. А кому же еще ехать, как не ему? Но пару дней назад он основательно простудился и довольно крепко затемпературил. Поэтому представлять главк было поручено Гурову. Ехать в Рязань Лев Иванович планировал на своем «Пежо», однако его жена, Мария Строева — ведущая актриса одного из самых популярных столичных театров — была категорически против его поездки на машине. Узнав из прогноза погоды об ожидающейся гололедице, она, что называется, готова была «лечь костями», но не пустить мужа в рискованную поездку. Решив уважить мнение своей «половины», Гуров отправился в Рязань на поезде.

Семинар сыщиков был посвящен новым технологиям, разработанным специалистами для повышения эффективности непростой службы оперов угрозыска. В частности, рассматривались различные аспекты дальнейшей компьютеризации их работы, использования ими новых технологических устройств, позволяющих находить на месте преступления самые неприметные следы и любые улики, даже микроскопического формата. В своем выступлении Гуров, как представитель головной организации, ведущей борьбу с уголовщиной, одобрил развитие технических средств, которые помогают сыщикам бороться с преступностью. Но вместе с тем он высказался за то, чтобы и сами опера росли как специалисты.

— ...Надо помнить, что техника никогда не сможет заменить человеческий ум, умение сыщика анализировать, сопоставлять, комбинировать, продумывать те или иные варианты расследования. — Лев ироничным взглядом окинул зал, где немалая часть присутствующих сидела, незаметно косясь в свои гаджеты — смартфоны и планшеты. — Иначе может получиться так, что не техника будет на вторых ролях, а человек. Как-то один знакомый пожаловался мне на врачей. Пошел он в поликлинику, а там оказалось, что тот доктор, у которого он всегда лечился, ушел на пенсию. А вместо него во врачебном кабинете оказался молодой эскулап недавней «выпечки». Выслушал он своего пациента, и — бегом к компьютеру. Пациент это увидел, молча встал и ушел. Вот так

же и в нашей работе. Техника техникой, а свой ум, опыт да и талант, в конце концов, всегда будут на первом месте. Особенно это надо иметь в виду майору Рукавчене. Он даже здесь не может оторваться от своего любимого гаджета.

Покраснев, майор торопливо спрятал телефон в карман и, смущенно закашлявшись, приподнялся и конфузливо произнес:

— Извините, Лев Иванович! Да... Мне тут сообщение пришло... А вы меня разве помните? — недоуменно уточнил он.

— Разумеется! — Лев усмехнулся. — Не так давно, в середине лета, вы около месяца стажировались у нас, в главке. Я еще тогда заметил эту вашу особенность подолгу «сидеть» в телефоне.

— Виноват! Больше не повторится, — вытерев пот со лба, пообещал Рукавченя.

Все прочие «кнопкотыки» к этому моменту поспешно спрятали свои гаджеты.

...И вот он снова в дороге. Колеса ритмично отмеряют километры пути своим отрывистым перестуком, вагон чуть покачивается на совсем недавно отреставрированном рельсовом пути. Глядя на проносящиеся мимо полустанки, придорожные березовые и осиновые лесополосы, на стоящие у переездов очереди автомобилей, Гуров размышлял об обещанных ему Орловым выходных. Со своим лучшим другом и напарником по работе Станиславом Крячко они уже решили, что поедут порыбачить на подмосковные Мраморные озера. Давно уже они там не были! Да и их общего друга, полковника ФСБ Александра Вольнова, позвать с собой тоже стоило бы. Он тоже, поди, по рыбалке соскучился. С этой нескончаемой работой, всевозможными срочными делами и внеочередными поручениями про все что угодно забудешь...

От размышлений Льва Ивановича оторвал голос соседа по «кубрику»:

— А вы не знаете, как называется главная звезда созвездия Большого Пса? Шесть букв! А?

Этот рыхловатый мужик с пухлыми, свекольного оттенка щеками корпел над толстым журналом сканвордов. Судя по всему, избытком эрудиции он не страдал, поскольку не знал элементарных вещей, известных даже в средней степени начитанному школьнику.

— Сириус, — чуть флегматично обронил Гуров, взглянув в его сторону.

— О, спасибо! — обрадовался тот, вписывая буквы в клетки на странице журнала. — А вы не в курсе, кто первый нырнул с аквалангом? Пять букв!

— Кусто, — вновь на мгновение отрываясь от окна, Лев усмехнулся: интересно было бы узнать, какие отметки получал в школе этот «эрудит»?

— И, если позволите, последний вопрос... — собеседник Гурова вскинул вверх указательный палец. — Черноморская рыба, шесть букв, первая — «ка», последняя — мягкий знак.

— Кефаль, — Льву пришлось приложить усилие, чтобы не рассмеяться.

— Ке-фаль?! Черт побери... А я написал — кафель!.. — «эрудит» почесал затылок. — Простите, а вы уверены, что рыба и в самом деле кефаль, а не кафель?

Это было уже слишком! Гуров от души рассмеялся, глядя на незадачливого сканвордиста.

— Еще в старом, военном фильме «Два бойца» Марк Бернес исполнял одесскую песенку: «Шаланды, полные кефали в Одессу Костя приводил...» Слышали когда-нибудь? Вот! Рыбак Костя в Одессу приводил шаланды с кефалью, а не с кафелем. Обратите внимание: рыба кефаль — она, а кафель, то бишь, облицовочная плитка — он.

— А-а-а... Понял, понял, понял! — обрадовался «эрудит». — Значит — кефаль. То-то я гляжу, что слова, которые пересекаются с «кафелем», по буквам не подходят. Кстати, о Бернесе! Тут есть очень короткий вопрос: «Бернес» — и все. Ответ — четыре буквы. Японский городовой! Чего я только не перепробовал! «Певец» — не подходит, «актер» — не подходит. Даже «боец» не подошел, хотя в этом слове тоже четыре буквы. А правильное-то слово — «Марк»! Здорово!

Нет, вы не подумайте, что я насчет эрудиции слабоват и кругозором ограничен! Нет, нет! В своем кругу я считаюсь асом по сканвордам. Да-а-а! Просто, понимаете... Как говорится, не мой сегодня день...

Сочувственно кивнув мужчине в ответ, Лев снова отвернулся к окну. В это время поезд начал замедлять ход, намереваясь остановиться у небольшой станции, называвшейся, как успел заметить Гуров, Дроздовка. Глядя на небольшое кирпичное здание старой постройки, Лев вдруг вспомнил о том, как более двадцати лет назад, еще в ту пору, когда он только начинал свою работу в угрозыске, где-то в этих местах ему довелось задержать крупного мошенника, некоего Корчилина. Тот ухитрился организовать финансовую «пирамиду» местного значения, и тысячи человек отдали свои последние сбережения, вплоть до «гробовых», ушлому пройдохе и его подельникам. Гуров, которому было поручено разобраться с проделками шайки ловчил, быстро установил личности всех причастных к этой афере.

Возглавив опергруппу из приданных ему в поддержку местных сотрудников, он провел задержания всего «штаба» криминальных хапуг. Но вот главаря сразу взять не удалось. Прожженный уголовник, каким-то звериным чутьем почувствовав опасность, успел скрыться в последний момент. Однако далеко уйти Корчилину не удалось. В погоню за ним ринулся Лев Гуров. Вначале он преследовал мошенника, удирающего на своем «Форде», запрыгнув в милицейский «бобик». Погоня длилась недолго. Минут через пятнадцать бешеной гонки Корчилин потерял управление автомобилем, в результате чего въехал в «ракушку» автобусной остановки. После этого погоня продолжилась пешим ходом по пересеченной местности, густо поросшей кустарником, периодически сопровождаемая перестрелками.

Впрочем, и физическая подготовка Льва, и его умение по едва приметным следам мгновенно находить то направление, куда именно подался беглец, заранее предопределили итог этого «кросса». А уж если учесть его мастерскую стрельбу из табельного оружия... Если бы Гуров вдруг поставил себе за-

дачу отправить преследуемого на больничную койку или, тем более, в мир иной, это случилось бы на первых сотнях метров погони через «зеленку». Но Лев крови не жаждал, его главной целью было задержание этого уголовника. Поэтому, едва Корчилин, выпустив последнюю пулю из своего «ТТ», остановился, чтобы перезарядить оружие, перед ним словно из ниоткуда возник опер и мощным ударом кулака отправил его в нокаут.

...После минутной стоянки у Дроздовки поезд снова двинулся в путь. Со стороны тамбура по проходу, придерживаясь руками за перегородки и полки, кособоко шагал какой-то старик с туго набитой небольшой дорожной сумкой в руке. Его пегая бороденка, обрамляющая морщинистое лицо, казалось, была сбита набок, как и старого фасона оседлавшие нос очки. Тусклые глаза, бесформенная шапчонка и заношенное серо-бурое осеннее пальто дополняли картину уныло-безнадежного убожества этого пассажира. Поравнявшись с «кубриком» Гурова и «сканвордиста», старик взгляделся в номерки мест и, как видно, найдя то, которое ему было нужно, сопя и кряхтя, опустил на полку рядом с любителем сканвордов.

Отдышавшись, он хрипло произнес:

— Общий привет... Я до Пеньков... Меня Григорием кличут...

— Николай... — приняхавшись и поморщившись, с некоторой заминкой представился «эрудит».

Было заметно, что новый сосед позитивных эмоций у него не вызвал. Взглянув в сторону старика, Лев вдруг понял, что этого типа он когда-то уже видел. Тот тоже воззрился в его сторону с каким-то даже испугом. И тут Гуров вдруг догадался: да это же — Корчилин, собственной персоной! Правда, сильно постаревший. Но это был именно он!

— Гражданин Корчилин? — на всякий случай осведомился он.

— Гражданин на-а-а... Начальник? — ошарашенно спросил тот.

Лев, чрезвычайно удивленный этой встречей, с недоумением рассматривал своего «старого знакомого». В самом

деле! Кто бы мог подумать о том, что он встретит более двадцати лет назад задержанного им преступника, по сути, на том же самом месте?! Ну а уж Корчилина эта случайная встреча ошеломила. Впрочем, стоило бы отметить, что ошеломлен был и «сканвордист» Николай. Услышанное им «гражданин Корчилин» и «гражданин начальник» его, можно сказать, крайне напрягло и даже напугало. Он поспешно уткнулся в свой сканворд, как бы ничего не видя и не слыша вокруг себя.

Тем временем опер и его бывший «клиент» не отрываясь смотрели друг на друга, словно ведя безмолвный диалог.

«Да, ушатала тебя, гражданин махинатор, жизнь уголовная! Лет на двадцать старше смотришься своего реального возраста», — читалось в глазах Гурова.

«Че, начальничек, до генерала так и не дорос? Ну, раз едешь не в отдельном купе, а в дешевеньком плацкартишке? Медалек и орденков не шибко много нахватал? Во-о-о-т! Ну и чего ради ты всю свою жизнь меня и других правильных пацанов ловил и на нары отправлял? Что тебе это дало?» — безмолвно всем своим видом пытался ехидничать его оппонент.

«Я — санитар этого общества, спасающий его от уголовной заразы, от криминальных двуногих бацилл. Если бы не такие, как я, наступил бы хаос, попорно было бы само понятие порядка и справедливости. Ты всю жизнь причинял людям боль и горе, а я, наоборот, приносил им избавление от душевной боли и даровал надежду на то, что правда в этом мире все еще есть».

«Ха-ха! К чему эта пустая моралистская философия? Ведь вся твоя жизнь — сплошная нудьга и тоска зеленая! Я жил и живу так, как мне нравится! Я кутил в лучших ресторанах, пил лучшие коньяки, виски, бренди, ром... Тебе и не снилось, сколько я перепробовал баб! Вся твоя жизнь — тоскливые, серые будни, моя жизнь — нескончаемый праздник».

«Кому ты вешаешь лапшу?! Праздник... Ликование морального уroda, который равнодушен к слезам тех, кого он ограбил, унизил, убил? Я никогда не считал бы чем-то за-

манчивым “поймать” продажную шлюшку, у которой таких, как ты, целая дивизия. Чему завидовать? В твоей жизни никогда не было настоящей дружбы, искренней любви, подлинного уважения».

«А оно мне нужно? Когда нас заколотят в ящик, в яме будем лежать одинаково, на одной глубине».

«Нет, не одинаково! Меня проводят в последний путь как человека, искренне сожалея о моей кончине. И кто-то продолжит мое дело, помня о том, что честь — превыше всего. Тебя же закопают, в лучшем случае, покуривая и поплеывая. А в худшем, кто-то скажет: подох — так ему и надо! Ты об этом знаешь не хуже меня, и это тебя уже сейчас гложет изнутри. Мне тебя жаль!»

Этот мысленный диалог длился всего несколько мгновений. Но они оба друг друга поняли превосходно.

Неожиданно в кармане Гурова его сотовый телефон заиграл некогда популярную песенку в исполнении уже подзабытого певца Эдуарда Хиля «Строгий капрал»: как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом... Звонил Петр Орлов.

Голос генерала звучал задумчиво-смушенно:

— Лева, как ты там? Все еще в Рязани?

— Нет, уже еду домой. Где-то что-то произошло? — сразу же поняв, что генерал звонил не просто так, Лев насторожился.

— М-м-м... Да, Лева, произошло! Гм-гм! — как бы нехотя подтвердил Петр. — Очень жаль, но... Вы со Стасом завтра будете работать. Надо провести расследование одного дела. Это приказ министерства. Понимаю, что обещал вам выходные, что невыполнение обещанного — это очень скверно... Но куда денешься? Сегодня утром один охотник в чащобе между озерами Кривым и Вороньим... Это невдалеке от села Ушатовки...

— Знаю, знаю эти места! — перебил приятеля-начальника Гуров.

— Это хорошо, — одобрил Орлов. — Так вот, один охотник, некто Красилинский, случайно обнаружил тело не так

давно пропавшего без вести известного журналиста Дмитрия Токарнова. В СМИ сейчас шум, гвалт, вопли... Справедливости ради отмечу, что солидные издания, телеканалы комментируют происшедшее сдержанно. А вот всякие либералстические газетенки, их теле- и радиоканалы пустились во все тяжкие. Они уже «нашли» виновных в лице «коррумпированной власти», уже начали голосить, взывая к «мировому общественному мнению». Телеканал «Ливень», можно сказать, изошел словесным поносом, проливая крокодиловы слезы и костеря «душителей демократии». Его главред Бандиктов воззвал к странам «свободного мира», требуя международного расследования. Так что на вас со Стасом лежит огромная ответственность за престиж нашего угрозыска и всей страны в целом. Раскроем это убийство — честь и слава нашей полиции, нашему угрозыску. Не раскроем — стыд и позор всей стране. Поверь: уж тогда наши «партнеры» не пожалеют и моря дегтя, чтобы искупать в нем матушку Россию. Так что, сам понимаешь, на тебя надеются очень и очень многие.

Учитывая присутствие в «кубрике» посторонних, Лев не стал вдаваться в подробности задания Петра Орлова. Он лишь обронил:

— Добро! Приеду — обсудим. Пока! — и отключил связь.

Глядя в окно, Гуров ощущал острую досаду: ну что за невезуха? И что бы этому охотнику не найти останки убитого журналиста не сегодня, а завтра-послезавтра? Ну хоть бы денек посидеть с удочкой у Мраморных озер, с друзьями пообщаться, ухи похлебать... Нет, теперь это мероприятие отодвигается на неопределенный срок. Конечно, можно было «побрыкаться», выдвинув Петрухе свои возражения. Но... Там, где дает ЦУ министерство, упираться смысла нет. Все равно дождут. Ладно, хватит о несбывшихся мечтах. Теперь все внимание на нежданно-негаданно привалившее «счастье».

Дмитрия Токарнова Лев помнил. Они несколько раз случайно пересекались на столичных тусовках, хотя лично не общались ни разу. Например, на пресс-конференции МВД,

которую вел замминистра, а Орлов присутствовал там как соответчик по ряду вопросов, касающихся расследования так называемых громких преступлений. Присутствовали там и Гуров с Крячко. Их с собой привез Петр, чтобы показать, каков он, «фунт генеральского лиха», сколь непросто бывает общаться с представителями «четвертой власти». Помнится, Токарнов при каждом удобном случае старался задавать весьма острые и даже едкие вопросы. Эдакий российский вариант американского журналиста Мэтью Ли. Хотя, как явствовало из его публикаций, в них он не злобствовал ради «злобы дня», а писал, хотя и жестко, но по делу. Печатную версию «Кримин-лайфа» Лев иногда просматривал. Там почти в каждом номере были публикации Токарнова. Чеховстил он и чиновников-мздоимцев, и криминалитет. Так что желающих сделать ему «предьяву» было более чем достаточно.

«Чую, хлебнем мы лиха с этим расследованием! — мысленно режюмировал свои раздумья Гуров. — Подозреваемых будет воз и маленькая тележка. А это плохо! Попробуй выбери того, кто ему только лишь угрожал, а кто реально убил или нанял киллера...»

Его размышления прервал Корчилин.

— Ладно, пойду... Считай, что уже приехал, — поднимаюсь со своего места, пробормотал он. — Бывай, начальник. Удачи не желаю. Мы играем в разных сборных... — добавил он, выходя из «кубрика».

— И тебе не хворать... — усмехнувшись, с легкой грустью сказал Лев.

Ему подумалось о том, что, эта их мимолетная встреча, скорее всего, последняя. Талантами экстрасенса похвалиться он не мог бы, но и без какого-либо сверхъестественного чутья, каковым вроде бы обладают люди, подобные Кашпировскому и Чумаку, Гуров явственно видел на лице Корчилина приметы неизлечимого, смертельного недуга. Будучи по роду своей профессии человеком очень наблюдательным, он уже на подсознательном уровне, не хуже иного врача-клинициста, часто видел те заболевания, каковыми страдали

те или иные его собеседники. Лишь раз взглянув на своего бывшего «подопечного» и чисто автоматически отметив едва заметное утолщение кончиков его пальцев, хрипотцу в голосе и характерный для неизлечимо больного человека оттенок радужки глаз, Лев тут же понял, что у того как минимум третья стадия рака легкого. Жить ему осталось максимум полгода.

Не страдая толстовством, тем не менее Гуров подосознательно ощутил сожаление. В самом деле! На что этот (в определенном смысле весьма одаренный) человек потратил свою жизнь, свои таланты и способности? Да на всякую дребедень, псевдосмыслы и псевдоценности. Например, на погоню за шкурной выгодой, получаемой любой ценой. На добычу больших денег путем обмана очень многих людей, на кражи чьего-то имущества, игнорируя то, что воровство может привести ту или иную семью к упадку и разорению.

Да, как ни хитри, как ни ловчи, но наш мир устроен так, что всякая форма паразитизма (хоть биологического, хоть социального) всегда и всюду — вне закона. Как ни верти, но в этом мире все взаимосвязано и за все, рано или поздно, обязательно приходится платить. За обиды обворованных и обманутых людей, да еще и за покушение на убийство (Корчилин в ходе ссоры с одним из своих поделщиков тяжело ранил того ножом), после задержания Гуровым Корчилина он «парился» на нарах более восьми лет. Были ли у Корчилина и другие «ходки» — Лев не знал. Но в любом случае жестокая расплата все равно настигла этого виртуоза махинаций. Ранняя старость, одряхление, неизлечимая болезнь — вот цена его былой «красивой» жизни.

...Утром прибыв на работу, Гуров припарковал автомобиль на ведомственной стоянке и, увидев полковника Крячко, поднимающегося на крыльцо главка, окликнул его. Тот, быстро оглянувшись, восторженно вскинул руку в приветствии.

— О, Лева! С прибытием! — Стас жизнерадостно улыбнулся.

Подойдя к старому приятелю, Лев обменялся с ним рукопожатием и в дежурном порядке осведомился о здоровье. Махнув рукой, Крячко поморщился.

— Да что о нем говорить, об этом здоровье? — тоном философа спросил он. — У кого его избыток? Осень же! Вон Петруха сегодня уже должен бы быть на ногах. Да и я, в принципе, вполне здоров. Вчера, правда, малость приболел. Температурка подскочила за тридцать восемь. Ну а я — чего? Сто граммов «Столичной» с красным перцем тяпнул перед сном и, как видишь, на данный момент совершенно здоров. Ну, что там интересного было на совещании?

Гуров в ответ от души рассмеялся.

— Стас! Я так думаю, нет более нелепого словосочетания, чем «интересное совещание». Любое совещание — тоска и тягомотина. Нет, кому-то они, может быть, и интересны. Например, нашему Петру. Но для меня проще заполучить расследование какого-нибудь дремучего «глухаря», чем отсидеть целый день на очередной совещаловке. Кстати, о «глухарях». Тебе Петр еще не звонил? О-о-о! Значит, ты еще ничего не знаешь...

— О чем не знаю?! — насторожился Крячко.

— Ну о том, что в лесу, между озерами Кривым и Вороньим, вчера, в первой половине дня, некий охотник нашел прикопанный меж деревьев труп известного журналиста Токарнова, который больше недели назад пропал без вести. В министерстве решили, что расследовать это дело будем мы с тобой. Вот такой сюрприз. Как это можно было бы назвать: на ровном месте — да мордой об асфальт. А ты, небось, приехал в «контору», чтобы с утра по-быстрому закрыть отчеты и отправиться на рыбалку? Да?

— Ну, в общем-то, да-а... А ты когда узнал об этом? — Стас огорченно вздохнул.

— Вчера. Я возвращался с совещания и был еще в дороге, когда Петр меня об этом по телефону «обрадовал»... — шагавший по коридору главка Лев чуть развел руками.

— А что же ты мне об этом ничего не сообщил? — сердито осведомился Крячко.

— Ну а какой был в этом резон? — Гуров, остановившись перед дверью их со Стасом кабинета, достал из кармана ключи. — Решил так... Пусть тебя этим известием «порадует» сам Петр. Не я буду виноват в том, что на ближайшую ночь ты лишишься покоя и сна. Ведь ты же сейчас расстроился? Расстроился. А спал сегодня хорошо? Кошмары не снились? Вот! Значит, я был прав. И вообще... Чего нам переживать? Сами же себе сделали такую рекламу — типа мы незаменимые. Вот теперь за это и расплачиваемся. Но в принципе нам никто не мешает и расстаться с этой самой незаменимостью. Да! Сделать это можно в один момент.

— Это как же? — входя следом за товарищем в кабинет, Станислав прищурился.

— Сейчас напьемся вдрызг, устроим в «конторе» дебош и уже к вечеру будем полностью свободны от каких бы то ни было «висяков» и «глухарей»... — безмятежно улыбнувшись, предложил Гуров.

Крячко преувеличенно удивленно расширил глаза и несколько мгновений всматривался в приятеля, как бы не в силах уразуметь: серьезно тот настроен похулиганить или просто шутит? Потом, с многозначительным видом покачав головой, он не без язвительности, с расстановкой произнес:

— Ха! Ха! Ха! Очень смешно! Это — первое. Второе: ну ты наивны-ый... Ты думаешь, если мы устроим дебош, Петруха нас сразу же выставит из «конторы»? Ага, размечтался!

В этот момент на столе Льва запиликал телефон внутренней связи.

— Ой, а кто же это нам позвонил-то? — поморщившись, спросил Гуров сам себя, поднимая трубку. — Ой, а что хорошего он нам сейчас скажет?

— Лева, привет! — покашливая, несколько простуженным голосом поздоровался Орлов. — Стас уже пришел? Отлично! Оба ко мне.

Не говоря ни слова, Лев кивком указал Станиславу на дверь. Тот с безнадежным видом махнул рукой и тяжело вздохнул.

...Войдя в кабинет Петра, опера увидели своего приятеля-начальника сопящим, кашляющим, с покрасневшими глазами и распухшим носом. Поздоровавшись и окинув Орлова сочувственным взглядом, Крячко участливо поинтересовался:

— ...Все гриппуешь? А ты сделай как я — выпей водки с перцем, и все как рукой снимет.

— Пил уже... Не помогло! — Орлов осторожно промокнул нос платком. — Ладно! Пройдет... Как у тебя с расследованием по ограблению академика Михалякина?

— Что за ограбление? Ничего об этом не слышал! — Лев озадаченно вззрился на Станислава.

— Ну, пока некоторые просиживали штаны на совещаниях, другие в это время работали! — не без подначки многозначительно сообщил тот.

Как оказалось, недавно, когда Лев уже отбыл на совещание в Рязань, в главк угрозыска обратился академик Михалякин, которого неизвестный тип ограбил в подъезде его же дома. Грабитель не только отнял у ученого деньги и документы, но и нанес ему несколько ударов кулаком. Петр тут же поручил Стасу поиски налетчика — все же не на дворника покусился неизвестный мерзавец. И Крячко в самой полной мере проявил свои оперские таланты. Он смог найти двух свидетелей и быстро вычислил личность негодяя. Им оказался хронический наркоман, который уже отбывал срок за похожие проступки. Минувшим вечером Станислав пришел прямо домой к грабителю, который, «зарядив баян» (то есть набрав в шприц вожделенную гадость), именно в этот момент намеревался «ширнуться». Но, так и не успев подарить себе наркотического блаженства, наркоша отправился в КПЗ.

— Ага! Значит, с этим делом полный ажур! — выслушав Крячко, удовлетворенно констатировал Петр.

— Ага! Ажур! — в тон ему поддакнул Станислав. — Но ты же нас к себе пригласил не просто так? Надо понимать, вся благодать данного момента кроется в том, что нас с Левого ждет новый «долгожданный хомут»! Да? Я прав?

Орлов изобразил гримасу мучительного раздумья.

— Мужики, я понимаю, что насчет обещанных вам выходных свое слово сдержать обязан... — Генерал в очередной раз промокнул нос платком. — Но ситуация такова, что на карту поставлено многое. Еще вчера, как только был найден Токарнов, наша либеральная публика, можно сказать, взвыла на весь мир, голося о преследованиях и убийстве неугодных властям представителей российских СМИ. Ну а Запад это тут же подхватил, подняв галдеж о возвращении «тридцать седьмого», о диктатуре и тоталитаризме... В конторах ЕС уже начали размышлять о новом пакете санкций. Поэтому, чем скорее удастся найти убийц журналиста, тем скорее заткнутся эти забугорные «блустители демократии». Черт бы их побрал!

Лев и Станислав, переглянувшись, попеняли Петру за хроническую привычку слово давать и забирать его обратно, после чего отправились в свой кабинет, захватив переданный им Орловым скоросшиватель с первичной документацией, оформленной на месте обнаружения тела убитого. Шагая по коридору, Стас небрежно пролистал содержимое скоросшивателя и досадливо проворчал:

— У нас не работа, а сплошное приключение типа «дня сурка». Постоянно происходит одно и то же: как только наметились выходные, что-то где-то обязательно случается. Как по заказу! Причем каждый раз из категории «громких». И — все! Наши выходные накрываются медным тазом, и мы снова, повесив язык на плечо, бежим ловить биндюжников-мокрушников и прочую двуногую заразу. Как это уже достало!..

Открывая дверь кабинета, Гуров усмехнулся.

— Ничего, Стас, жизнь устроена так, что все в ней рано или поздно заканчивается. Вот выйдем мы с тобой на пенсию и будем грустить по этим дням, по погоням за этими самыми биндюжниками-мокрушниками... Все еще впереди!

Крячко отчего-то сразу замолчал и насупился.

— Умеешь ты «утешить»? — входя следом за Львом в кабинет, пробубнил он. — Про пенсию, не к ночи будь помянута, философию развел... Ладно уж! Куда деваться? Беремся за этот «глухарь». Движение это — жизнь!

— Вот и я об этом же! — резюмировал Лев, взяв скоросшиватель. — Ну что, приступаем к изучению вопроса?

...Как явствовало из актов и протоколов, тело пропавшего без вести корреспондента издательства «Кримин-лайф» Дмитрия Токарнова было обнаружено жителем Москвы Геннадием Краси́линским, который, согласно путевке Общества охотников и рыболовов, охотился на боровую и позднюю водоплавающую дичь в районе озер Кривого и Вороньего. Обнаружив признаки захоронения человеческого тела, он по телефону сообщил об этом в полицию. Выехавшая к месту происшествия опергруппа Дерихватовского РОВД установила, что в лесном массиве действительно имеет место быть захоронение мужчины, примерно тридцати-сорокалетнего возраста. Глубина захоронения оказалась незначительной — не более полуметра. Но, судя по той тщательности, как оно было замаскировано, убийцы явно рассчитывали, что их жертва будет найдена не раньше чем через год-два. Как было установлено в ходе предварительного осмотра тела, убит Токарнов был из огнестрельного оружия (скорее всего, из пистолета) прямым выстрелом в сердце. Судя по характеру пулевого канала, выстрел был произведен почти в упор — с расстояния не более одного метра. Никаких документов при себе у убитого не оказалось.

Услышав про сторублевку с издевательской надписью, Крячко хмуро прокомментировал:

— Ты глянь, какие козлы! Мало им было убить парня, так еще и поехидничать решили, уроды! Читал я статьи Токарнова. Конечно, случались у него и перегибы, но в целом журналист он был правильный. Писал по совести, и про чинуш, и про всяких паханов... Видимо, кто-то из них и решил свести с ним счеты...

Покончив с изучением документов, опера обсудили те или иные варианты происшедшего — где, кто, как и каким образом мог убить журналиста. В частности, было непонятно, где именно произошло убийство — в пределах Москвы или где-то недалеко от места захоронения. Если считать, что Токарнова убили на какой-то из столичных улиц, то тог-

да возникал вопрос об обстоятельствах транспортировки его тела в Подмоскowie и захоронения в отдаленной от дорог чащобе. По мнению Стаса, убить Токарнова могли в границах Москвы, после чего труп на машине вывезли в сторону Дерихватова, не поленившись проехать более сотни километров.

Чтобы уточнить реальные причины смерти (вдруг Токарнов вначале был отравлен или задушен, а уже потом убийцы сделали контрольный выстрел), Лев созвонился с главным судмедэкспертом главка Дроздовым. Как оказалось, он только что вернулся из морга, где провел все необходимые в таких случаях исследования. По словам Дроздова, причиной наступления смерти журналиста стало именно огнестрельное ранение. Поскольку пуля прошла навывлет, установить тип оружия и калибр оказалось затруднительным. Но, скорее всего, некто стрелял в Токарнова с метровой дистанции из пистолета системы «браунинг» калибра шесть тридцать пять. Каких-либо хронических (тем более смертельных) болезней у убитого обнаружено не было.

— ...По всем параметрам здоровущий был, — прокомментировал Дроздов свое заключение. — Если бы не убили, сто лет прожил бы! — отметил он.

— Ну, и с чего начнем? — передав Станиславу услышанное от Дроздова, Гуров сунул телефон в карман.

— Я думаю, можно было бы сделать так... — Крячко, глядя куда-то в пространство, потер переносицу. — Я галопом по Европам проскачу по городу. Пообщаюсь с народом в редакции «Кримин-лайфа», попробую найти родных Токарнова. А вот ты, Лева, «прошерсти» интернет — это у тебя классно получается, не то что у меня, собери информацию там. О! С Амбаром можно было бы созвониться. Если парня грохнули уголовники, то что-то как-то об этом в его притон вполне могло просочиться. Как смотришь на мое предложение?

Немного подумав, Лев пожал плечами:

— Ну, в общем-то, рассуждаешь резонно. Хорошо! Давай так и сделаем. Наверное, еще и с Сашей стоило бы созвониться. Вдруг у них на этот счет есть какая-то информация?

— О'кей! Заметано! Отбываю! — изобразив вскинутым левым кулаком пролетарское приветствие «Рот Фронт!», Стас лихо подмигнул и вышел из кабинета.

Сев за свой стол, Гуров шумно вздохнул (заранее было ясно, что «пропахать» ему придется уйму газетных публикаций и просмотреть не один десяток телепрограмм), он включил компьютер и, забив в поисковую систему запрос: «Дмитрий Токарнов, все публикации в «Кримин-лайфе», получил уйму ответов. Но для начала решил просмотреть публикации за последние пару месяцев.

Последним материалом Токарнова, опубликованным в «Кримин-лайфе», было его весьма жесткое эссе о разрушительных последствиях для столичной экономики и экологии деятельности строительной компании The hut is super («Хата-супер»). Дмитрий провел журналистское расследование деятельности этих «зодчих» и установил, что в недалеком прошлом на счету «Хаты» имелась не одна сотня (если только не одна тысяча!) обманутых ею вкладчиков. Дома, построенные «Хатой», имели массу недоделок, а иные и вовсе представляли собой стопроцентный брак. Кроме того, за этой компанией водился и такой грешок, как самостройка в природоохранных зонах. За взятку малоприметные чиновнички из тех или иных администраций закрывали глаза на фактический беспредел мошенников. «Хата», игнорируя протесты местного населения и природоохранных организаций, возводила даже на руслах засыпанных мусором рек коттеджные массивы, которые продавала людям, мечтающим вырваться из душных городских коробок на природу. А потом вдруг выяснялось, что эти дома построены незаконно. Приезжала строительная техника и сносила постройки. Потерпевшим, понятное дело, никто ничего не компенсировал. Даже наоборот: они должны были оплатить снос своего жилища.

Но, что называется, вишенкой на торте было то, что Токарнов назвал настоящего хозяина «Хаты». Тот, что числился владельцем официально — некий Рудольф Лисянц, был всего лишь зиц-председателем. А вот в реальности компания принадлежала крупному криминальному авторитету

Автандилу Базилидзе, он же — Базик. Разразился скандал, в результате которого «Хата» стала объектом проверки сразу нескольких комиссий. Замаячила перспектива астрономических штрафов и даже отправки на нары не только менеджеров компании, но и целого ряда купленных ими чинуш.

Дочитав материал до конца, Гуров задумался. Разумеется, зная наши реалии, заранее можно было предполагать, что, прикрывшись бригадой прожженных адвокатов типа Гугвы и Рубника, которые оппонировали гособвинению во всех процессах, где в роли обвиняемых оказывались либералы и толстосумы, какой-либо серьезной ответственности «Хата» не понесет. Максимум, чего сможет добиться суд (и то, если только он состоится вообще!), это наложения на компанию смехотворного штрафа и отстранения от должности ее управляющего. И только! Впрочем, в любом случае, так или иначе, но судебное решение может, пусть и вскользь, задеть лично Базика. А вот этого он может и не простить. Да, между прочим! Так что Базилидзе взять на заметку стоит...

Продолжив свои изыскания в интернете, Лев обратил внимание на статью Токарнова о безобразиях, творящихся в частном транспортном предприятии таксомоторных перевозок «МКПТ-Эвкалипт». Дмитрий описал несколько типичных ситуаций, характерных для данного оператора. Мало того, что на работу в систему такси принимаются мигранты-нелегалы, зачастую не знающие русского языка, так еще и у многих из них имелось богатое криминальное прошлое, в том числе и эпизоды преступлений, совершенных на территории России. Уж такие мелочи, как отсутствие проверки таксомоторов перед выходом на линию, отсутствие должной проверки таксистов на алкоголь и наркотики, отмечались сплошь и рядом. А поводом к публикации стало весьма некрасивое происшествие, о чем заявила пассажирка одного из таксомоторов. Его водитель, уроженец ближнего зарубежья, ее ограбил и пытался совершить с ней нечто очень гнусное. Бедолаге едва удалось вырваться и убежать. И вот хозяин «Эвкалипта», вместо того чтобы навести порядок в своей шарашке, помог отморозку уйти от ответственности и сделал

вид, что вообще ничего не произошло. Впрочем, что удивляться такой черствости, такому безразличию? Токарнов открыто назвал владельца этого МКПТ. Им оказался бывший рэкети́р, некто Владислав Трубицын, известный в определенных кругах как Владя Бартер.

Дойдя до этого места, Гуков вспомнил, что о Трубицыне-Бартере немало слышал лет пятнадцать назад. С середины девяностых до начала нулевых в столице многие сотрудники органов знали о неуловимом главаре «бригады» вымогателей, который ухитрялся выкручиваться из любых передрыг. Его несколько раз ловили, но каждый раз отправить Бартера на нары не удавалось. Во-первых, отмазывать его брались Гугва и Рубник и им подобные адвокаты. Во-вторых, будучи большим специалистом по уголовному праву (как-никак выпускник провинциального юридического вуза!), Трубицын умело вел свою криминальную деятельность таким образом, что лично он сам ни в чем не оказывался замешанным. Впрочем, однажды он все-таки влип и отправился на нары. Правда, всего на пять лет, хотя его «подвиги», если бы хватило доказательств, потянули бы лет на двадцать. Но и после пятилетнего пребывания в ИТК Бартер завязал с так сказать, официальной криминальной деятельностью и занялся легальным бизнесом. Купил сеть из десятка магазинов и организовал структуру, занимающуюся таксомоторными перевозками. Впрочем, его уголовная натура дала себя знать и на этом поприще. В его магазинах преобладали просроченные и суррогатные продукты подвально-китайского производства, а его таксисты то и дело оказывались участниками или ДТП, или обвиняемыми по уголовным статьям.

Еще один субъект из мира криминала, некто Эдуард Вулюнене, «знаменит и славен» был как порноделец, специализировавшийся на детском порно. За свою «творческую» деятельность он уже отбывал трехлетний срок, но выводов из этого так и не сделал. Повествуя об этом «деятеле искусств», Дмитрий Токарнов без каких-либо обиняков поставил вполне закономерный вопрос о непонятно как и чем

объяснимой лояльности суда к преступнику. С чего бы это вдруг наш самый «гуманный и справедливый» так сочувственно отнесся к явному педофилу, «постеснявшись» назначить ему лет семь-восемь строгой, да еще и, по сути, не дав ему отбыть до конца «трешку», отпустив на свободу по УДО? Но Токарнов, как уже понял Лев, не был бы самим собой, если бы не нашел ответ и на этот вопрос. Как удалось выяснить Дмитрию, немалую роль в либеральном отношении судьи Бажамбекова к порнографу сыграл некто Серафим Пупырякин, помощник депутата Госдумы Элианохина. Отсюда возникал закономерный вопрос: а что может связывать технического сотрудника парламента, а также его патрона — действующего депутата — с криминальным дельцом, которого презирают даже в уголовной среде? Уж не некие ли не вполне пристойные вкусы «слуги народа» тому причиной, не его ли тайное пристрастие к «кинопродукции» Вулюнене?.. Кстати, на это довольно прозрачно намекнул в своем материале Токарнов.

«Да-а-а, не робкого десятка был парень! — мысленно режюмировал изученные материалы Гуров. — Таких хищников против себя настроил, что только держись!.. Если разобраться, то уже этих трех криминальных дельцов более чем достаточно, чтобы кто-то из них организовал на журналиста покушение. А ведь список недовольных Дмитрием гораздо шире...»

В числе изученных Львом материалов Токарнова еще один из недавних касался исправительно-трудовой колонии, где администрация, потеряв берега, устроила настоящий беспредел, карая и милуя заключенных по своему усмотрению. Если «хозяин» кем-то был недоволен, то этот человек оказывался вне закона. Его терроризировали не только по линии официальных мер воздействия администрации (необоснованная отправка в карцер, лишение свиданий и т. п.), но он еще и оказывался во власти криминальной верхушки колонии. С таким заключенным могло произойти все что угодно — его могли избить, покалечить, «опустить», что «хозяином» вполне одобрялось. Выдав эту информацию откры-

тым текстом, Дмитрий особо подчеркнул, что данная ИТК «славна» не только беззаконием в отношении немалой части заключенных, но еще и весьма преуспела в коррупции. В частности, в весьма масштабном казнокрадстве. Поворотив память, Гуров припомнил, что около пары недель назад в главк пришла информация о том, что начальник ИТК в одной из соседних областей за серьезные злоупотребления властью был снят с должности и арестован. Скорее всего, теперь его самого будет ждать отсидка... Следовало полагать, прихлебатели задержанного «хозяина» тоже были не в восторге от случившегося с ним.

Вспомнив о своем давнем информаторе по кличке Амбар (по паспорту — Константин Бородкин), Лев набрал номер телефона и, услышав отклик, произнес условную фразу для того, чтобы выяснить, может ли тот говорить, нет ли рядом с ним посторонних ушей. Жизнерадостно хохотнув, Бородкин уведомил:

— Один я, один, Левваныч! Доброго денечка. Есть какие-то дела?

Гуров в общих чертах рассказал ему о том, что случилось с Дмитрием Токарновым. Амбар внимательно его выслушал, лишь время от времени издавая неопределенное «гм». Закончив это повествование, Лев добавил, что надо бы провентилировать обстановку и выяснить, кто мог бы поиметь умысел убить журналиста. Похмыкав и поэкав, Бородкин пояснил, что вообще-то в среде его ныне действующих коллег журналисты, особенно пишущие на темы, связанные с криминалом, особым почетом не пользуются.

— ...Знаете, Левваныч, кого-то из них побаиваются, кого-то вообще ненавидят. Есть и те, кого уважают. Но даже этих не любят. Так что непросто сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы...

— Ну, любят или не любят... Как тут сказать? Нашу службу тоже не все любят. Особенно бывшие сидельцы. А как до одного места припечет, так все равно к нам бегут. Вон когда два года назад у Вити Косаря дочь пропала без вести, так он прямо к нам в главк прибежал. Вот так-то!

— А! Че-то такое я слышал... Это... Не припомню — нашли его, что ль, дочку, Косаря этого? — заинтересовался Бородкин.

— Нашли! Ее обкуренные мажоры на «бэхе» сбили и увезли к одному из них домой, спрятали в подвале особняка. Там мы ее и обнаружили в тяжелом состоянии. Эти два засранца в тот же день смылись за границу. До сих пор где-то там прячутся. А Токарнов, кстати, не так давно рассказал в своей газете про беспредел в Волколесской колонии. Там начальник творил такие безобразия, что только триллеры про это снимать. Ну а сейчас сам сухари сушит. Если бы не этот журналист, так бы беспредел там и творился. Так что пусть господа авторитеты мозгами малость пораскинут: если журналистов будут убивать за их работу и писать о криминале никто не станет, однажды они и сами могут погореть. И о-о-очень сильно!

— Лады, Левваныч, все понял! Через день-два позвоню...

Закончив разговор с Амбаром, Гуров продолжил изучение материалов, опубликованных в «Кримин-лайфе». На фоне, можно сказать, вопиющего безобразия, о чем он прочел выше, публикация о, так сказать, житейских буднях отставной чиновницы Бэллы Сытнец выглядела ординарной и даже скучноватой. Как сообщил в своей статье Дмитрий Токарнов, данная особа, до недавних пор трудившаяся на вторых или даже третьих ролях в структурах федеральной власти, выйдя в отставку, засучила рукава на ниве обустройства своего «имения». Как оказалось, возведя в рекордно короткие сроки двухэтажный особняк на пятьсот квадратных метров в природоохранной зоне, министерская «труженица» на этих же заповедных землях установила трехметровую железобетонную стену, присоединив к особняку «огородик» гектара на два с гаком. Кто и каким образом разрешил ей подобный захват — осталось загадкой. Как признался в своем материале Дмитрий, к кому бы он ни обращался с вопросом об особняке и «огородике» Сытнец, все лишь многозначительно молчали и разводили руками.

Немало интересного Лев нашел и в архивных записях телепрограммы «Кримин-лайф», в которой Дмитрий Токарнов очень часто принимал участие. Наиболее показательной он счел передачу о криминальных лесорубах, под видом санитарных рубок уничтожающих в том числе и заповедные леса. Не робея и не комплексуя, журналист открыто назвал имя главаря банды браконьеров, каковым оказался некто Тормохин, он же — Слава Тормоз. А его главным покровителем был назван замглавы Никоновского района Шустрилов.

...Когда Гуров, уже после обеда, заканчивал изучение видеоматериалов, за дверью кабинета в коридоре раздались быстрые шаги, и на пороге, словно джинн, вырвавшийся из кувшина, появился Станислав Крячко. Устало выдохнув, он без предисловий поинтересовался:

— Обедать ходил?

— Нет, еще не успел, — ответил Лев, неохотно отрываясь от монитора.

— Вот и хорошо! Пошли в кафешку. А то я, можно сказать, умираю с голоду. А ты что, есть не хочешь? — с некоторым недоумением уточнил Стас.

— Да как-то не очень... — Гуров чуть пожал плечами.

— Идем, идем! Время-то уже — начало третьего! — Крячко указал пальцем на меланхолично тикающие настенные кварцевые часы.

— Ну хорошо... Пойдем пообедаем. Что там у тебя? — поднимаясь из-за стола, Лев выжидающе взглянул на приятеля.

Как оказалось, чего-то такого, что могло бы дать подсказку, где именно и в какой среде искать заказчика и исполнителя убийства, Станиславу узнать не удалось. Первым человеком, с кем он встретился, была вдова журналиста, Тамара Токарнова — запредельно печальная молодая женщина в траурном черном платье и черной косынке. Выслушав визитера из угрозыска, Тамара грустно посетовала на то, что Дмитрий ей никогда не рассказывал о своей работе. Скорее всего, он не хотел ее тревожить какими-то подробностями своих расследований и разоблачений. Женщина сообщила, что никогда не слышала от Дмитрия о том, что кто-то ему

высказывал свое недовольство, угрожал или в какой-то форме проявлял свою агрессию.

— ...Я несколько раз пыталась его уговорить бросить эту работу, — покачав головой, Тамара тягостно вздохнула. — Но он меня не слушал. Знаете, мне кажется, за годы своей работы в «Кримин-лайфе» он стал неким подобием так называемых рuffers, зацеперов и прочих им подобных любителей пощекотать нервы смертельной опасностью. Понимаю, что Димой прежде всего двигало врожденное чувство справедливости. Но он иногда, знаете, сам сознательно шел на обострение ситуации. Он брался за расследование тех случаев, имеющих криминальную подоплеку, от которых наотрез отказывались другие его коллеги. Вот он и до рисковался... Теперь двое мальчишек больше уже никогда не увидят своего папу...

Побывав в объединенной редакции «Кримин-лайфа» (газеты и телеканала), Крячко встретился с главным редактором Юлием Прохошиным. Тот, не тая своей досады из-за случившегося с ведущим журналистом издания, признался в том, что теперь «Кримин-лайф» рискует потерять немалую часть своей аудитории. Дмитрий всегда был, по его словам, «гвоздем программы» — и печатного издания, и телеэфира. Некоторые коллеги из-за этого даже питали к нему затаенную зависть.

— ...Предполагая ваш вопрос на эту тему, поспешу заверить, что убийство Дмитрия никак не может быть делом рук тех, кто ему завидовал, — заявил Прохошин. — Нет, нет! Убил его кто-то из криминальной среды, о ком он писал и рассказывал.

— А лично вам никогда не угрожали? — в ходе разговора поинтересовался Стас.

— Было, и не раз... — Прохошин невесело усмехнулся. — Я уже третий редактор «Кримин-лайфа». Двое моих предшественников не выдержали давления и ушли. Вся беда в том, что нас в равной степени не любят не только всякие там уголовники, криминальные дельцы, вороватые чинуши, но и ваши коллеги, не любят прокуроры и судьи, не любят

представители пенитенциарной системы. Вот не так давно Токарнов опубликовал громкий материал о Волколесской колонии. Столько было в наш адрес обвинений в предвзятости в стремлении на чужой беде заработать популярность!..

Собеседник Стаса припомнил случай, когда он и его заместитель ехали на региональное совещание работников СМИ. И вот на одном из перекрестков, когда они остановились на красный сигнал светофора, к их авто с разных сторон подбежали несколько человек в медицинских масках и металлических прутах разбили все стекла и помяли кузов. Редактор и его зам тут же заявили о происшедшем в полицию. Но, как их уведомили пару недель спустя, найти напавших не удалось. По мнению Прохошина, возможно, погромщиков никто и не искал.

— ...Избиение журналистов, работающих в таких, как наше, изданиях, явление частое и в чем-то даже заурядное. — Прохошин нахмурился и коротко, саркастично рассмеялся. — А чего стоит получение в ОВД какой-либо информации о происшествиях? Да, для контактов со СМИ созданы пресс-службы. Но есть одно «но»! Если этой службой заведует человек, «неравнодушный» к журналистике, он будет давать только то, что никому не интересно. А вот за что-то достойное внимания ему надо платить. Мне рассказывали, что в провинции это явление весьма распространенное.

— И сколько же требуют эти хапуги за информацию? — внутренне испытав неловкость из-за своих сребролюбивых коллег, уточнил Станислав.

— В среднем полста... Нет, нет, не рублей! Баксов. Станислав Васильевич, не хочу вас обидеть, но, думаю, именно в недрах милиционно-полицейских органов придумали такой анекдот: для чего милицию переименовали в полицию? Чтобы брать взятки в долларах и евро. Смысл какой? Взял за информацию три-четыре тысячи рублей? О-о-о! Это — цифра: три или четыре тысячи!!! А взял пятьдесят баксов? Да это так, тьфу, пустячок... «Полтишок», пусть и в долларах, берут за средненькую информацию, типа «гражданин А. в ходе ссоры пырнул своего собутыльника Б. кухонным

ножом». А вот если что-то более громкое, например, «рэкетеры похитили бизнесмена и держали его в заложниках, требуя крупный выкуп» — иной раз и сотки будет мало... Кстати, с чем не раз сталкивался я сам, так это еще и с необходимостью периодически приглашать пресс-службиста в кабак и поить его там за свой счет.

— Но над этим самым пресс-службистом есть же начальство! Почему бы не решить вопрос через руководство ОВД? — сказав это, Стас снова испытал некоторую неловкость, теперь уже за себя самого, — Юлий взглянул на него как на победителя конкурса «Мистер наивность».

— Если конкретный исполнитель давать информацию не пожелает, то и сам министр в этом вопросе ему не шибко-то поможет! — Прохошин с удрученным видом вздохнул.

Как рассказал он далее, и на телевидении, и в печатных СМИ, специализирующихся на криминальной тематике, текучка кадров очень высокая. Например, в телепрограмме «Теледетектив», в которой рассказывается о нераскрытых громких преступлениях, а также объявляются в розыск их фигуранты, главные редакторы работают не более двух-трех лет. С одной стороны, свою агрессию проявляет криминал — журналистов, которые готовят такие материалы, его представители очень даже недолюбливают. Если не сказать — ненавидят. А с другой стороны, не слишком дружелюбно воспринимают такую информацию и органы внутренних дел. А то ж! Как ни верти, а информация в эфире о нераскрытом преступлении — это как бы намек на их нерасторопность и некомпетентность.

— ...Сколько к нам было всяких судебных исков, сколько устраивалось скандалов!.. — продолжал рассказывать Юлий, чуть замедленно качая головой. — Я сам впервые оказался в весьма скверной ситуации, когда еще только начал работать в газете...

По его словам, свою профессиональную деятельность после журфака университета он начал в конце девяностых, в качестве зама главного редактора районной газеты в Поволжье. Занимался он промышленной и сельхозтематикой,

а также подготовкой криминальных сводок. Информацию брал в местном райотделе милиции. В ту пору все было устроено гораздо проще, без взяток и посиделок в кабаке. В ту пору райотделы были открыты для всех — туда можно было зайти просто, как к своему соседу. Тогда не было нынешних бронедверей и домофонов. Прохошин заходил в РОВД раз в неделю, брал рабочие журналы для сводок о происшествиях и выбирал из них все, что ему казалось интересным. Брал в суде рассматривавшиеся там дела и тоже делал обзоры судебной хроники. Его материалы читались, тираж газеты рос...

Но однажды он сделал материал о ЧП, случившемся с местной станцией «Скорой помощи». Случилось так, что ночной порой некие отморозки сняли с ее машин, стоявших в гараже, аккумуляторы. Утром десятки человек не могли получить медицинскую помощь. Юлий написал гневный материал, в котором высказал все, что думал о подонках, которые сознательно поставили под угрозу жизни многих людей. В заключение добавил, что милиция ищет зарвавшееся ворье и виновники обязательно будут привлечены к ответу. Но в текущий номер этот материал не попал — не хватило газетной площади из-за необходимости разместить пространный спич районного главы.

И тут Прохошину позвонили из областной коммерческой развлекательной газеты «Параллели энд меридианы», с которой он иногда делился своими материалами. Те, узнав о происшествии на станции «Скорой помощи», попросили дать материал им. Юлий охотно согласился. Гонорары «меридиановцы» платили высокие, поэтому работать с коллегами было не в убыток. Но на следующий день Прохошину позвонил начальник местной МОБ Журавлев. Задыхаясь от ярости, он проорал в трубку:

— Прохошин, ты там не белены ли объелся? Ты что себе позволяешь?

На полное недоумение Юлия — в чем проблема, его собеседник в тех же повышенных тонах сообщил, что сообщение о случае на станции «Скорой помощи» в «Параллелях» —

верх свинства и хамства. И пусть он теперь на пушечный выстрел обходит райотдел. Теперь никакой информации ему никто не даст. После чего со стуком бросил трубку. Теряясь в догадках, что же произошло, Прохошин сбегал к ближайшему газетному киоску и купил свежий номер «Параллелей». С трудом найдя свой материал, который озаглавил «За гранью ума и совести» (теперь он именовался «Беспредел в Кубовском, или Куда смотрит милиция?!»), Юлий, прочитав его, не смог не выразиться самым непечатным словом. Кто-то переписал его материал на свой лад, по сути, не дав нравственных оценок вора, зато высказав немало совершенно необоснованных претензий местной милиции. Резюме написанного, под которым значилось «Юлий Прохошин», было разгромным и категоричным: не пора ли разобрататься тем, кто руководит Дубовским райотделом, с его кадровым составом?

Немедленно созвонившись с главным редактором «Параллелей» Мариной Мачинской, Прохошин потребовал ответа: кто посмел перевернуть его материал? Та пояснила, что его заметку творчески переработала их корреспондент Светлана Шапурова.

— ...А что такое? Что случилось? — удивилась она. — Светлана опытный журналист, свое дело знает. Ну, может быть, она несколько сгустила краски. Но нам же надо как-то повышать тиражи!

— Марина Геннадьевна, я считаю, что Шапурова — или полная дура, или хитрый провокатор. Вы понимаете, что со мной теперь в Кубовском никто не будет работать? Ни милиция, ни суд, ни кто-то другой! Отсюда информация вам больше не поступит. Вы это понимаете? И я могу сказать, для чего это было сделано. Вы считаете Светку своей лучшей подружкой? Зря! Эта стерва спит и видит себя на вашем месте. Она сознательно гадит вашим корреспондентам, чтобы те от вас отвернулись. Она лишает вас источников информации. Вы неглупый человек, но сваяли дурака. Мне вас жаль!

Как стало известно несколько позже, когда Юлий уже уволился из районки и уехал в Москву (ему и в самом деле

езде и всюду «перекрыли кислород»), все случилось именно так, как он и предполагал. Мачинскую сняли с должности и поставили на ее место Шапурову. Светка тут же уволила из газеты свою «лучшую подругу», и Мачинская устроилась простым корректором в уже умирающую областную газету «Наши вести» — больше никуда устроиться не удалось. Но всего полгода спустя она умерла прямо на работе от сердечного приступа. Видимо, ее сердце не выдержало предательства Шапуровой, которая несколько лет изображала из себя лучшую подругу, чтобы, выждав подходящий момент, нанести змеиный укус.

— ...Так что, Станислав Васильевич, работа в СМИ, а тем более в криминальной хронике, — это как прогулка по минному полю, — заканчивая разговор, сказал Прохощин. — Я искренне сожалею о случившемся с Дмитрием, тем более что мы с ним были хорошими товарищами. Но я не удивлюсь, если вам не удастся найти убийц и заказчиков. Не удивлюсь и тому, что даже если вдруг вам и удастся найти виновников, то привлечь их к ответственности не получится.

— Но тогда чего ради заниматься такой опасной деятельностью? — недоуменно поинтересовался Крячко. — Вам за вашу работу платят очень много?

— Как сказать? Да, получаю я несколько больше, чем мои коллеги из, скажем так, «мирных» газет. Мы — на «острие». Кому-то, как и мне, просто деваться некуда — надо где-то работать, содержать семью... Для кого-то подобная трудовая деятельность — сплошной адреналин. Как, например, для Дмитрия... Разумеется, мы тоже живые люди, мы тоже жаждем возмездия убийцам. Поэтому буду иметь в виду: если вдруг поступит какая-то информация — обязательно с вами поделюсь.

...Подкрепившись в кафе, приятели неспешно зашагали в сторону главка. Завершая свое повествование о беседе с вдовой журналиста и главным редактором «Кримин-лайфа», Станислав сказал:

— ...Похоже, с этой стороны ничего накопать не удастся. Ни вдова, ни главный редактор хоть чего-то стоящего рас-

сказать не смогли. Так что включаем интуицию на полную мощность. Итак, чем мы располагаем? — спросил он.

— Пока что очень немногим... — начал говорить Гуров, но его перебило пиликанье телефона, выдавшего рингтон мультяшной песенки «Я гениальный сыщик, мне помощь не нужна...».

Звонил судмедэксперт Дроздов. Чуть занудливо и дидактично он сообщил, что закончил вместе со своими помощниками обработку данных, полученных в ходе обследования тела Токарнова. Совместно с коллегами был сделан окончательный вывод, что журналист был убит из браунинга. Выстрел был произведен с расстояния около метра, скорее всего, совершенно неожиданно для потерпевшего. Следует полагать, Токарнов с кем-то разговаривал стоя, причем разговор не имел излишней эмоциональной напряженности. Наверняка обсуждавшиеся вопросы не содержали каких-либо угроз в его адрес. Поэтому убийца выстрелил внезапно, выбрав удобный для этого момент. Например, когда журналист на что-то отвлекся. Пуля прошла через сердце, поэтому смерть наступила мгновенно. Судя по направлению пулевого канала, убийца на полголовы ниже потерпевшего. Кроме того, специалисты изучили сторублевку с надписью. По их мнению, надпись была сделана мужской рукой. Каких-либо отпечатков пальцев или следов касания руками к купюре или одежде убитого, пригодных для генетической экспертизы, найти не удалось.

Поблагодарив Дроздова за информацию, Лев сунул телефон в карман и вкратце передал Станиславу только что услышанное.

— Конечно, это очень важные сведения, — проговорил он. — Но пока что и они не слишком продвигают нас в расследовании. О, смотри-ка! Дождь пошел!

Приятели поспешили зайти в свою «контору», подгоняемые холодными каплями осеннего дождя. Пройдя в свой кабинет, они продолжили обсуждение. Единственная реальная зацепка, которая имелаась в этом деле, — обнаруженный в теле убитого след от пули браунинга.

— Ну что ж, давай плясать от этой печки, — опустившись на свой стул, Гуров откинулся к его спинке и, немного помолчав, задумчиво предположил: — А что если это работа киллера из тех самых, не к ночи будь помянуты, лихих девяностых? — он вопросительно взглянул на Крячко.

Плюхнувшись на свой стул, тот потер кончик носа пальцем и сделал недоуменную мину — это о ком ты?

— Кешу Браунинга помнишь? — прищурившись, Лев чуть подался вперед. — Был такой киллер. Вроде бы промышлял отстрелом несговорчивых коммерсантов, которые отказывались платить дань рэкетирам. Но была и такая информация, что Браунинг ликвидировал и беспредельщиков. Причем если киллеры использовали чаще всего «ТТ», то он стрелял только из браунинга. Его взяли где-то в середине девяностых, когда он «завалил» главаря банды никодимовских, которые крышевали Осьмушкин рынок. На нем к той поре было уже пять или шесть трупов. Ему светила вышка. Но, как ты знаешь, к той поре вышку «заморозили». А тут еще Кешу взялся защищать сам Гугва, поэтому получил он даже не пожизненное, а «четвертак». Улавливаешь, какая тут «изюминка»?

Хлопнув себя по лбу, Стас закивал.

— Да, да, да! Помню, помню! Ешкин кот! Кеша Браунинг... Мы с тобой в ту пору взяли его коллегу, Антошенко, по кличке... Э-э-э...

— Крафт, — подсказал Гуров.

— Точно, Крафт! — крутанув головой, удивился Крячко. — Ну у тебя и память! Прямо компьютерная... Значит, ты предполагаешь, что Браунинг уже вышел на свободу и снова взялся за старое?

— А почему бы нет? — сцепив меж собой пальцы рук, Лев оперся локтями о стол. — Сейчас созвонюсь с информанционщиками, пусть наведут справки о Кеше. Заодно пусть выяснят, с кем из нынешних криминальных главарей он отбывал срок на одной зоне.

— А! Ты имеешь в виду, с кем-то из тех, о ком Токарнов писал в «Кримин-лайфе»? — Стас выразительно ткнул в его сторону указательным пальцем.

— Ну да... — Гуров снял трубку телефона внутренней связи. — Почему бы не допустить, что такое действительно имело место быть? Если вдруг окажется, что это так и есть, то тогда у нас появляется шанс выйти на заказчика...

Созвонившись с Жаворонковым, он изложил майору, какую хотел бы получить информацию. В частности, не было ли среди сокамерников Кеши Браунинга таких личностей, как Владислав Трубицын, Вячеслав Тормохин и ряда других, им подобных. Тот пообещал позвонить в ближайшие полчаса.

— Ну, чую, что-то интересное мы сейчас обязательно узнаем! — потирая руки, оптимистично сказал Станислав. — Кстати, Лева! На днях по телику смотрел программу, в ней рассказывали про роботизацию. Типа, и на заводах, и в институтах, и в полях будут вкалывать роботы. Может, так и случится. Но вот роботы-сыщики, думаю, уж точно не появятся! Как считаешь?

Задумчиво улыбнувшись, Лев чуть пожал плечами:

— Как сказать... Если считать, что электронные мозги роботов будут работать по тому же двоичному принципу, что и нынешние компьютеры — да, роботов-сыщиков не будет. А вот если появятся квантовые компьютеры, то тогда — кто знает...

— Квантовые? — несколько обескураженно переспросил Стас. — Так-то это название я уже, было дело, слышал. Но-о... Так и не въехал: а в чем их суть-то?

— Знаешь, я и сам не спец по этой части... — наморщив нос, Гуров изобразил руками неопределенный жест. — Как я понял, это переход от цифры к аналоговым компьютерам. Что такое «биты», ты знаешь — ноль и единица, да — нет. А там работает даже не электроника в чистом виде, а какая-то лазерно-ионная система, у нее несколько таких понятий: не только да — нет, но и одновременно да — нет.

— Это как это? — Крячко расширил глаза.

— Говорю же, что сам толком не знаю! — Лев отрицательно потряс головой. — Эта штука называется кубитом. Там, в зависимости от их состояния, в смысле ионов, кубиты

превращаются в кудиты, потом еще в какие-то... Как их? Кутриты, кукварты... Язык сломаешь! И вот такой компьютер будет работать и быстрее нынешних, и обрабатывать будет более гибко. Так что, Стас, в наше время все возможно. В том числе возможен и электронный сыщик.

Явно огорченный сообщением приятеля о возможном появлении сыщика-робота, Станислав попытался хоть как-то возразить Гурову:

— Слушай, но это же... Когда он еще появится, такой комп?! К концу века?

— Нет, голубчик, ученые обещают, что всего через несколько лет такая техника уже вступит в строй. Увы! — Гуров широко развел руками.

В этот момент зазвонил телефон внутренней связи. Подняв трубку, Лев услышал голос Жаворонкова.

— Лев Иванович! Я просмотрел все базы данных и могу сказать, что результаты очень даже интересные. Да, нынешним летом гражданин Чумакин Иннокентий Кириллович вышел на свободу. Из известных криминальных дельцов с Чумакиным вместе отбывал срок криминальный авторитет Павел Брухашко по кличке Паша Тротил. Этот тип вышел на свободу еще в позапрошлом году.

Когда Гуров положил трубку, Стас с ликованием вскинул над головой крепко сжатые кулаки:

— Есть контакт! — с азартом воскликнул он. — А ну-ка, Лева, порыскай в «досье» Токарнова: писал он про Тротила или нет?

Чуть снисходительно усмехнувшись (что прыгать от радости, если реальных фактов пока что ноль!), Лев по диагонали просмотрел прошлогодние газетные и телематериалы Токарнова. И вдруг нечто знакомое ему бросилось в глаза. В судебном очерке, озаглавленном «Уцененная совесть», повествовалось о деятельности шайки «черных риелторов», которые обманом отнимали квартиры у пенсионеров. Всего за полгода мошенники сделали бомжами восемь человек. Полиция шайку задержала, состоялся суд, все получили сроки. Однако реальный организатор этой аферы — Павел

Брухашко, который менее года назад вышел из заключения, где отбывал срок за аналогичные проделки, каким-то невероятным образом смог отвертеться и прошел по суду лишь свидетелем. Хотя — это было видно даже невооруженным взглядом! — он и в этот раз был главным в шайке аферистов. Завершая публикацию, ее автор попенял суду и следствию, которые почему-то «не заметили» решающей роли в преступлении Паши Тротила...

— Ага! Вот тебе и реальный факт: журналист дал информацию о Тротиле, а тот затаил зло и при первой же возможности с ним рассчитался. — Стас громко постучал пальцем по крышке стола. — Ну что, будем брать обоих — и Браунинга и Тротила? — Он сидел напружинившись, словно готов был вскочить с места и, выхватив пистолет, куда-то бежать и кого-то задерживать.

Но Гуров его эмоций не разделял. Все так же, с оттенком иронии, он поинтересовался:

— И что мы им предъявим? В чем уличим? Гарантирую, что у них обоих уже имеется подкрепленное свидетелями железное алиби. Даже если мы доведем дело до суда, его там развалят тот же Гугва или Рубник. Нет, мы будем тупо копать, копать и копать, укрепляя доказательную базу. И лишь когда у нас на руках будут железные факты виновности в преступлении Браунинга и Тротила, мы их задержим.

Его последние слова заглушила требовательная трель телефона внутренней связи.

— О! — обрадовался Станислав. — Похоже, Валера еще чего-то накопал!

— Это не Жаворонков, это — Петр, — как будто скучая, обронил Лев и поднял трубку.

Звонил и в самом деле Орлов.

— Ну, как там дела? Подвижки уже есть?

— Есть, есть! — громко сообщил Крячко.

— Что, и в самом деле есть? — с осторожной радостью уточнил Петр.

— Есть лишь условно подозреваемые! — сухо зато пояснил Лев, с укоризной взглянув на Стаса.

— Хм-м-м... Ну-ка оба ко мне! Сейчас вместе разберемся, что у вас там есть и чего у вас нет, — строго распорядился Орлов.

...Доклад Гурова о Браунинге и Тротиле генерал выслушал очень внимательно. Выслушал и пламенный спич Стаса о необходимости спешных, решительных действий. Поразмыслив, Петр резюмировал:

— В общем, так... Поскольку других подозреваемых на данный момент нет, этих двоих взять в разработку. Но не тянуть, а отработать их максимум за пару дней. Мне сегодня уже дважды звонили. И из министерства, и из какого-то фонда защиты журналистов. Достали уже!

...Выйдя в коридор, приятели быстро определились со своими дальнейшими действиями. Тротила пока решили не трогать, а вот Браунинга — хорошенько прощупать. Эту миссию Стас решительно взял на себя.

— Лева, давай, я им займусь? — предложил он. — Сейчас трягну его старых знакомых, выясню, где он прячется, и вытрясу из него «чистуху». А ты доработай «досье». Вдруг Токарнов еще что-то писал про Тротила? А завтра с утра займемся этим хреновым «риелтором». О'кей?

— Да, хок-кей, хок-кей... — отмахнулся Гуров. — Дерзай! Премия имени Шерлока Холмса тебя уже ждет в Лондоне на Бейкер-стрит.

Удивленно похлопав глазами, Крячко осторожно поинтересовался:

— А разве такая премия есть? Что-то ни разу о ней не слышал...

— Я тоже не слышал. Но, думаю, что-то похожее персонально для тебя придумают. — Лев хлопнул приятеля ладонью по плечу и зашел в кабинет.

— Х-ха! — саркастично произнес Станислав, направляясь к выходу.

Сев за свой стол, Гуров стукнул пальцем по клавише «энтер» и, положив руку на мышку, продолжил просмотр материалов Токарнова за текущий год. Как явствовало из тематики публикаций, диапазон его профессиональных

интересов был весьма широк. Помимо изобличения открытых уголовников, маскирующихся под цивилизованных предпринимателей, помимо жуликов и хапуг полукриминального пошиба, орудующих в сфере теневой экономики, Дмитрий уделял внимание и чиновникам, управленцам как криминально-легального, так и легально-криминального характера.

Читая криминальный очерк о некоем Хриттусе, заме главы одной из столичных управ, который, что называется, «потеряв берега», хапал деньги и из казны, и в форме взятки (минимальное «подношение» равнялось полумиллиону рублей), Лев не мог не прийти к выводу: а ведь этот чинуша тоже мог бы нанять киллера. Токарнов его, можно сказать, «размазал по асфальту», что наверняка не могло не разъярить героя публикации.

Не менее острой была статья и о некоем паевом инвестиционном фонде «Блистательный мир», который, судя по характеру его деятельности, имел все признаки финансовой пирамиды. Его создала бывшая адвокатесса, некая Жанна Альеми. Вкратце коснувшись былой, адвокатской, деятельности этой мадам, Дмитрий, приводя реальные факты, дал неприглядный портрет запредельно меркантильной и морально нечистоплотной особы, готовой ради денег пойти на любую подлость, на любое преступление. И вот теперь экс-адвокатесса создала ПИФ, который работал по шаблонам печально известного «МММ». Людям обещали громадную прибыль за сделанные ими вклады, но на самом деле это было вульгарной финансовой аферой все того же мавродистского пошиба.

Далее, в более поздних номерах «Кримин-лайфа», Гуров нашел послесловие к очерку об Альеми. В нем Токарнов сообщил читателям, что следственные органы и прокуратура обратили внимание на деятельность «Блистательного мира», которая судебным решением была приостановлена. В отношении Жанны Альеми и ее подельников началось следствие, которое запросто может вылиться в судебное дело. Следовало думать, экс-адвокатесса, которая некогда отмазывала

крупных уголовников от ответственности, за что и была лишена адвокатской лицензии, тоже едва ли могла испытывать признательность к своему разоблачителю.

Льву эта фамилия была знакома. О Жанне Альеми он слышал еще лет десять назад. Уже тогда она слыла «еще той штучкой» в плане тесных связей с крупным, организованным криминалом. Славилась еще и использованием в своей работе самых грязных и недостойных методов, в частности шантажа и подкупа свидетелей, а также организации в отношении их всевозможных провокаций.

«Надо бы к этой Жанне присмотреться как следует. Очень даже непростая особа!..» — мысленно отметил Гуров.

Хлопнула дверь, и в кабинет ворвался чем-то взвинченный Станислав Крячко. Оглядевшись, он передернул плечами.

— Что-то холодно у нас! — поморщился Стас.

Взглянув на приятеля, Лев невозмутимо произнес:

— Как сказал один юморист, если тебе холодно — встань в угол. Там всегда строго девяносто градусов.

Крячко громко фыркнул — острота пришлась ему по душе.

— Прикольно! — оценил он, вскинув большой палец. — Ну что... Нашел я Браунинга. Только, Лева, нам он ничего уже не скажет.

Разведя руками, Стас издал громкое «пф-ф-ф-ф!».

— М-м-м! Надо понимать, он умер или его убили? — испытав мимолетную досаду, уточнил Гуров.

— Этот вопрос пока не выяснен. Он сейчас в морге, и им там занимаются патологоанатомы... О-хо-хо-о-о! — Крячко плюхнулся на свой стул. — Как говорится: что такое «не везет» и как с ним бороться?

— Занятно! — Лев поднялся со своего места и прошелся по кабинету. — Нет, ну ты глянь, как все «удачно» совпало! Такая интересная цепь событий... Вышел Чумакин из заключения, и вскоре именно из браунинга был убит Дмитрий Токарнов. Только киллер попался нам на заметку, как тут же оказался в морге. Уверен, что его убили. И убить его мог

только заказчик убийства Токарнова. Значит, если найдем того, кто убил Браунинга, — считай, дело раскрыто... Ну-ка, расскажи-ка, что удалось накопать?

...Получив в информотделе по максимуму информацию об Иннокентии Чумакине, Крячко отправился прямо домой к его старому «корешу», некоему Илье Шерепято. Тот во времена «лихих девяностых» входил в группировку известного налетчика Яши Цеппелина. «Бригада» Цеппелина занималась как изошренным рэкетом, замаскированным под оказание охранных услуг, так и банальным грабежом, совершая налеты на объекты торговли, филиалы банков и инкассаторов. И вот во время одного из нападений на перевозчиков наличности, как говорится, что-то пошло не так. Парни-инкассаторы оказались крепкими орешками, прошедшими горячие точки. Они вовремя засекли засаду грабителей и, не давая тем опомниться, открыли по ним огонь из автоматов. Цеппелин был убит на месте, двое его подручных в панике успели убежать. А вот Илья Шерепято по кличке Шарпей и еще один член банды были ранены. Их подлечили, а потом за все свои прежние «подвиги» налетчики получили лет по десять строгача.

Выйдя из тюрьмы, Шарпей, памятуя о своем «знакомстве» с инкассаторами, с криминалом завязал. Он устроился сторожем в небольшую фирму по производству скобяных изделий. Прямо на рабочем месте Крячко его и обнаружил. Узнав о том, кто к нему пожаловал, Шерепято сразу же напрягся и помрачнел. Выслушав опера, он отчего-то занервничал еще больше. Свою нервозность он пояснил тем, что прошлое вспоминать «чрезвычайно тяжело», к тому же «Кешка» куда-то запропастился и на связь почему-то не выходит.

В ходе дальнейшего разговора несколько успокоившийся экс-налетчик рассказал, что с Чумакиным, после того как тот вышел из заключения, они встречались довольно часто. Ходили по пивбарам, перебрасывались в картишки. На вопрос Крячко, где именно играли в карты, Шарпей ответил, что обычно картежничали в его квартире. Изредка играли

дома у Чумакина. Выйдя на свободу, тот сошелся с одной из своих «заочниц», проживающей в Косом переулке.

— ...Так-то баба у него вроде бы и стоящая, хотя, если по совести, стерва еще та, — особо подчеркнул Шерепято. — Например, насчет карт — Ленка страх как это дело не любит. Да и меня самого она чегой-то крепко невзлюбила. Кешки я уже второй день не вижу. Хотел забежать к нему на Косой, но решил еще подождать, до вечера, вдруг сам появится. С еванной мымрой бодаться желания нет никакого...

Уточнив домашний адрес Чумакина, Стас отправился в сторону Косого переулка. Нынешнее место жительства Браунинга находилось в старой пятиэтажке, скорее всего, уже предназначенной к расселению — в некоторых местах по ее стенам, сложенным из силикатного кирпича, змеились длинные трещины. Ступеньки на крыльце и в подъезде были выщерблены. Стены сплошь изрисованы всевозможными граффити. На звонок в квартиру из двери к Станиславу вышла что-то жующая круглолицая, грудастая особа в застиранном цветастом байковом халате. Вопросительно мотнув головой, она неприязненно осведомилась:

— Чего тебе?

Мгновенно сделав нужные выводы, не представляясь, Крячко изобразил бесшабашно-беззаботную улыбку и с «блатной» интонацией заговорил:

— Привет, красавица! Кешка Браунинг здесь, что ль, квартирует? Как бы мне его повидать?

— Шарпей, что ль, подослал? — подозрительно прищурилась «красавица». — Если он, то проваливай, откуда пришел!

— Не, не, не, не! — все в той же манере блатаря поспешил заверить Стас, для убедительности отрицательно помотав рукой. — Шарпея знаю, но мы с ним не в дружбе. Тут такое дело... Моему боссу нужен хороший охранник, нормальски владеющий «пушкой». Босс «горилл» не признает. Нужен человек такой, чтобы и в глаза не бросался, но если какой косяк — сразу смог бы угомонить любого киллера. Босс

обещает штуку баксов в месяц, плюс премиальные, почти столько же.

Глаза сожительницы Чумакина Елены при последних словах улыбчивого крепыша в потертой кожаной ветровке расширились и алчно блеснули.

— Японский городской! — досадливо произнесла она. — Вот знать бы, что сегодня ты придешь, я бы его позавчера хрен бы куда пустила бы! А то, зараза, куда-то умотал, и до сих пор сюда носа не кажет. Поди у какой-нибудь шлюхи завис, скотина!

— Ну что уж сразу — у какой-нибудь шлюхи?! Может, он где-нибудь по делам рыскает? Вдруг ему клевый прихват подвернулся? Эх, бабы, бабы! Ревнивый вы народ! Моя вон тоже, как домой приду, так всего и проверит, и обнюхает: не пахнет ли какой-нибудь чужой девкой? — Стас рассмеялся. — Вот и Кешка, небось, тоже где-нибудь бабло заколачивает?

— «Бабло»... — саркастично сказала Елена. — Я же не какая-нибудь дура малохольная, чтобы с ничего «порожняк гнать»! Позавчера ему баба какая-то звонила. С ней он минут пять тряндел!

— О-о-о! — недоверчиво протянул Крячко. — Да это — мало ли, кто и с кем болтает? Вот мы сейчас с тобой толкуем о том, о сем. Но базарим-то мы не ради того, чтобы просто потрепаться! Базарим-то по делу! Мне босс поручение дал, я его выполняю. Будет Кешка у него работать — тоже не засидится без дела. Только вот найти бы мне его... А ты ему звонить не пробовала?

— Раза три звонила! О! Давай-ка попробую прямо сейчас? Вдруг окажется на проводе? — собеседница Стаса достала из кармана своего халата кнопочный телефон и, выведя на дисплей номер мобильного Чумакина, нажала на кнопку вызова.

Некоторое время Елена держала телефон у уха, затем с недовольным видом помотала головой и сердито нажала на кнопку отбоя.

— Даже вызова нету, только робот дундит что, мол, телефон абонента выключен или находится вне зоны действия

сети, — огорченно сообщила она. — Вот Кешка паразит! Ну, скотина! Я еще тогда почуяла, что дело пахнет керосином. Уж очень та сучка его уговаривала приехать, прямо стелилась под него. Я мимо проходила, хорошо слышала, как она с ним всякие там трали-вали разводила: «Приезжай обяза-ательно! Очень тебя буду жда-а-ть!» Поехал... Теперь я вообще не знаю, дождусь его или нет.

Сообразив, что с Чумакиным, скорее всего, что-то случилось, Крячко собрался уходить и напоследок предложил своей собеседнице обменяться номерами телефонов:

— Ты мне и Кешкин номерок черкни — буду ему позванивать. Мало ли чего? Вдруг откликнется? А я тебе номер своей мобилы дам. То же самое: если Кешка появится, звякни. Меня Стасом зовут. Мол, так и так, он уже дома. Я сразу подскочу.

Выйдя из подъезда на улицу, Крячко немедленно созвонился с информотделом. Он попросил майора Жаворонкова взять на контроль номер телефона Чумакина. Прежде всего следовало попытаться определить его местоположение. Также Станислава интересовали входящие и исходящие звонки за последние пять дней — кто именно звонил Чумакину и кому звонил он сам. Кроме того, Крячко высказал желание, чтобы информотдел связался с моргами города и установил — не поступал ли туда интересующий его человек.

— Допускаю, что Чумакин мог поступить в один из моргов как неопознанный и невостребованный труп, — пояснил он Жаворонкову. — Его сожительница о том, где он может быть, ничего не знает. Никаких запросов она пока что не делала, поскольку считает, что Чумакин находится у какой-то другой женщины.

— Хорошо, Станислав Васильевич, сделаем все, что в наших силах, — пообещал майор. — Запросить информацию из моргов проблем не составит, установим и абонентов Чумакина. Но вот местоположение сотового, если он выключен, установить будет сложнее. Это только в шпионских фильмах можно в один момент запеленговать любой телефон. На самом деле сделать это не так-то просто. С кнопочными

мобильниками в этом отношении проще, а вот «смарты» — «орешек» крепче... Минут через пятнадцать я вам позвоню!

Скоротав четверть часа в ближайшей кафешке за чашкой кофе, Крячко вышел на улицу, и в этот момент в его кармане запиликал телефон. Звонил Жаворонков. Он сообщил, что труп человека, похожего на Чумакина, вчера был случайно обнаружен в придорожной лесополосе за МКАД. В данный момент он находится в морге Журавлевской клиники. Абоненты, с которыми общался Чумакин последние пять дней, установлены. Их список сброшен на электронную почту Гурова. С телефоном Чумакина дистанционно работают, пытаются с ним «договориться», но пока особого прогресса добиться не удалось.

Сразу после этого разговора Стас на своем безотказном «мерине» отправился в Журавлевскую клинику, находящуюся на одноименной улице. Вместе с санитарями морга он вошел в холодную покойницкую, пропахшую формалином. Окинув взглядом предьявленного ему покойника, Крячко сверил восково-желтое лицо с фотографией Чумакина, которую ему прислал на телефон информотдел. И хотя смерть внесла свои «коррективы» в черты лица Браунинга, все равно было яснее ясного: это именно он. Выйдя из морга, Станислав позвонил своей недавней собеседнице:

— Елена, это Стас, я недавно был у тебя. Слушай, нашел я Кешку. Только дело хреновое — он в морге... В каком? В Журавлевском.

После этого он созвонился с главком и поставил в известность судмедэксперта Дроздова о том, что надо бы установить причину смерти Иннокентия Чумакина, одновременно проведя опознание усопшего сожительницей Еленой.

...Завершая свое повествование, Станислав досадливо изрек:

— Вот такое, Лева, хреновое дело! Только надыбали кандидата в киллеры, как он взял и «вознесся»! И, скорее всего, не из-за какого-нибудь там инфаркта-инсульта. Нет! Кто-то ему очень сильно «помог» умереть — в этом я уверен. Ну а кто мог это сделать? Понятное дело, только заказчик

убийства Токарнова. Надо понимать, он испугался того, что убийство журналиста получило широкую огласку, и поэтому начал прятать концы в воду. Теперь его найти будет очень непросто.

Слушая Станислава и глядя в пространство, Гуров как-то неопределенно покачал головой:

— Значит, перед тем как исчезнуть, Чумакин разговаривал с какой-то женщиной. Хм-м-м... Очень интересно! Отсюда следует, что женщина могла быть заказчицей. И, между прочим, кандидатуры на эту роль имеются... — Лев пристукнул крепко сжатым кулаком по углу крышки стола.

— Так, так, так! — насторожился Стас. — И что же это? Любопытственно!

Лев в общих чертах рассказал о двух серьезных представительницах организованного криминала, о которых писал Токарнов. Как раз перед прибытием Стаса он штудировал материал о некой Бэлле Сытнец. Чего-то из ряда вон выходящего об этой мадам в материале не имелось. По мнению журналиста, она являлась заурядной чиновной хапугой, которая, как и многие другие «столоничальники» (российские и не только) имела излишне липкие ручонки. Запуская их в бюджетные средства, она крала свой «маленький процент», после чего с «кем надо» делилась и благодаря этому избегала знакомства с ОБЭП и прокуратурой. Разумеется, на основании публикации Токарнова Бэллой обязательно должны были бы заинтересоваться оба вышеназванных ведомства. Но что-то ничего похожего слышно не было. И, скорее всего, не потому, что обэповцы и прокуроры явили преступное безразличие к фактам, изложенным журналистом. Вовсе нет! Наверняка у этой особы имелась мощная крыша где-то очень высоко, которая вовремя блокировала любые действия правоохранителей, нацеленные на привлечение Бэллы Сытнец к ответственности. Впрочем, учитывая то, что мы отчасти все еще так и не вышли из безвременья «лихих девяностых» (как их назвала одна из известных, близких к власти особ — «святых»), подобное не казалось чем-то из ряда вон выходящим. Тем не менее материал о Бэлле Сытнец явно был

не из самых громких. Заурядно-вороватая чиновная «серая мышка» никак не тянула даже на роль некогда знаменитой Соньки Золотой Ручки.

— Ну и как ты считаешь, Сытнец может быть причастна к убийству Токарнова? — разведя руками, с недоумением спросил Станислав. — Или она серость во всем, даже в смысле криминала, и потому в круг подозреваемых ее не включаем?

— Разве я это сказал? — с той же степенью недоумения Лев тоже развел руками. — Нет! Сытнец у меня тоже под подозрением. Но, учитывая ее криминальный «калибр», мною она оставлена, так сказать, про запас. Как бы там ни было, она все же уступает Жанне Альеми в масштабах преступной деятельности. Вот уж Жанна штука так штука!

Он в деталях рассказал о предприимчивой экс-адвокатессе, которая в свою адвокатскую бытность не единожды ухитрилась «кидать» даже криминальных авторитетов. А случилось, могла даже прилюдно отхлестать по мордасам кого-то из своих проштрафившихся помощников. В том числе и тех, что в уголовной среде считались личностями не из последних. При этом ей было плевать на статус «воспитуемого» в криминальной среде. За это ее, случилось, именовали «Розочкой», причем к цветам это прозвище не имело никакого отношения. Тот, кто дал Альеми такую кликуху, имел в виду «розочку» из разбитой бутылки, которую в драках многие использовали вместо ножа. Тем более что раны от «розочки» не так уж и редко бывают куда более опасными, чем ножевые.

Выслушав Гурова, Станислав обхватил подбородок пальцами. Удивленно мотнув головой из стороны в сторону, он протянул:

— Да-а-а!.. Вот уж это действительно прямо-таки атаманша из «Снежной королевы»! Ну, наверное, помнишь детский фильм? Вот такой «живой реликт» девяностых. Я в девяносто втором брал одну такую мокрушницу. В течение месяца троих мужиков ограбила и убила. Представляешь?! Так, значит, подозреваемая номер один — Жанна Альеми... Тогда, выходит, Паша Тротил тоже отправляется в «запасник»?

Раздумывая, Лев немного помолчал, потом отрицательно качнул головой:

— Вот насчет Паши давай подумаем... Он тоже, надо сказать, перец, каких поискать. У него мотивы были, к тому же более чем серьезные. На кону — его свобода. Если, скажем, прокуратура поставит вопрос о более дотошном расследовании его роли в банде «черных риелторов» и повторное следствие покажет, что эта «невинная овечка» на самом деле матерый волчара, то сядет он очень даже надолго. Скажем, он мог заподозрить, что на руках Токарнова есть серьезный компромат, который тот использует для очередной статьи о нем. Это реальный мотив для организации убийства.

— Добро! И как тогда спланируем свою работу? Будем разрабатывать сразу двоих? — деловито уточнил Стас.

— Да, наверное так... — Гуров взглянул на уже начавшее темнеть окно. — О! Что-то засиделись мы сегодня... Ну что, выбирай сам, какое возьмешь направление. Альеми или Брухашко?

— Ну-у-у... Выберу бывшую адвокатессу, как более перспективный вариант! — уверенно объявил Крячко.

— Хорошо! — кивнул Лев. — Значит, мой — Паша Тротил. Эх, черт! Мы же так и не глянули, с кем общался Чумакин. Ну-ка, давай посмотрим, чего накопили информациишки...

Как явствовало из сообщения информотдела, за последние пять дней до своего исчезновения Браунинг сделал и принял суммарно более трех десятков звонков. По каждому звонку имелась персональная информация о том или ином собеседнике Чумакина — фамилия, имя, отчество, домашний адрес, род занятий. Среди тех, кто звонил Браунингу и кому звонил он сам, оказался Брухашко, или, по-другому — Тротил. Зато не обнаружилось ни одного звонка, сделанного им Жанне Альеми, не было звонков, сделанных ему и самой бывшей адвокатессой. Этот факт Станислава несколько огорчил. Впрочем, не было выявлено телефонных разговоров Чумакина и с Сытнец. В числе неоднократно звонивших Чумакину женщин оказалась Елена, его сожитель-

ница. Звонил ей и он сам. Кроме того, также звонила Браунингу и некая Лана Такталиа. Проживала Лана на улице Зеленогорской, работала продавцом в одном из магазинов торговой сети «Рублик».

Помимо номеров с установленными абонентами, три номера информационщикам идентифицировать не удалось. Наверняка использованные «симки» были «левыми». Это обстоятельство весьма огорчило приятелей — ведь именно эти звонки и могли быть сделаны интересующими их людьми.

А еще в день исчезновения Браунинга кто-то ему звонил с городского таксофона, установленного в районе Парка Горького. Дойдя до этого места в сообщении информационщиков, Крячко удивленно покосился в сторону Льва:

— Обалдеть! Оказывается, на территории Москвы все еще есть таксофоны. Их же, по-моему, уже давно отправили в утиль. Мобилы сейчас у ста процентов населения. Таксофоны-то сегодня кому нужны?

Гуров оторвался от монитора компьютера.

— Ну да, — сказал он, чуть пожав плечами. — Их вроде бы одно время ликвидировали. Но потом какую-то часть восстановили. Резоны тут какие? Сотовые, бывает, ломаются, теряются, разряжаются. А у кого-то, например, сложилась очень трудная ситуация, и надо срочно позвонить. Кто-то вдруг увидел пожар, кому-то надо вызвать «Скорую», кто-то стал свидетелем преступления... И если свой телефон не работает, как об этом сообщить? Только с помощью таксофона.

Качнувшись из стороны в сторону, Стас как-то неопределенно повел головой.

— М-м-м... Не знаю, не знаю... Предположим, моя мобила потерялась или сдохла, а надо срочно позвонить тебе. Начинаю искать таксофон. Но они же теперь не на каждом углу, как тогда-то быть? Во-о-о-т! Но, допустим, я его нашел. А чем оплачивать звонок? Когда-то в телефон кидали двушки. Потом стали продавать специальные жетоны. Потом ввели таксофонные карты... А что сейчас?

Смеясь, Лев отмахнулся — вот пристал!

— Точно не могу сказать — сам таксофонами давно уже не пользуюсь, но вроде бы звонок теперь бесплатный.

— Ага-а-а! — с усмешкой протянул Крячко. — А вот скажи, сколько примерно нужных ему номеров помнит среднестатистический москвич? Ну в лучшем случае свой собственный. А некоторые даже и его не помнят. Ну и как он куда-то позвонит?

Удрученно покачав головой, с абсолютно серьезным видом, но при этом с веселыми искорками в глазах Гуров доверительно посоветовал:

— В таком случае есть только одно средство: снять штаны и бегать по улице, громко крича: «Я — марсианин! Я — марсианин!..»

— Это еще зачем?!! — с оттенком возмущения спросил Станислав.

— А затем, что кто-нибудь, у кого с его сотовым все в порядке, обязательно позвонит в «Скорую», и за тобой очень скоро придут. Конечно, домой они тебя не повезут: «Скорая» не такси. Но в клинику доставят гарантированно, где какое-то время ты сможешь провести в компании с Ньютоном, Эйнштейном и пришельцем с Альфы Центавра... Все, Стас! Таксофонную тему закрываем. Читаем дальше.

Как явствовало из дальнейшего сообщения, информациики главка проверили записи с камер видеонаблюдения на территориях, прилегающих к парку, и смогли вычислить звонившего. Им оказалась женщина во всем черном — в черных брюках, в черной куртке с капюшоном, в черных перчатках, в черной медицинской маске. Но кто она такая, не смогла установить даже специальная компьютерная программа, позволяющая определить личность человека по особенностям его фигуры и походки. Вполне возможно, эта дама не засветилась ни в одной базе данных, и сверять снятую камерой особу было попросту не с кем. Кроме того, как пояснил Жаворонков, скорее всего, неизвестная была хорошо осведомлена о том, как именно работает программа идентификации. Поэтому она и приняла все меры к тому, чтобы изменить свои антропологические показатели. Например,

походку, склад фигуры. Тем не менее сотрудники информотдела пообещали работу с данной записью видеокамеры продолжить и постараться подобрать «ключик» к расшифровке личности звонившей.

— Жаль, что эту дамочку персонифицировать не удалось... — огорченно отметил Стас. — Наверняка она имеет отношение к этому делу. Не просто же так она замаскировалась?.. Ну что, Лева? Наверное, на сегодня хватит. Вон уже настоящая ночь на дворе. Все-таки осень — это осень. Чуть время к вечеру близится, уже темно...

— Да, давай закругляться, — чуть флегматично согласился Гуров. — Уже и поужинать бы не мешало... По домам! Стас, наверное, завтра спозаранок поедешь к Такталиной на Зеленогорскую. Выяснишь о ней и у нее все, что возможно. Все же дамы — это твоя стихия... Не возражаешь?

— Х-ха! Лева, всю жизнь мечтал об этом! — не без сарказма бросил Крячко, направляясь к выходу.

...Руля по уже темному, залитому лишь светом фонарей вечернему городу, Лев размышлял о перипетиях расследования доставшегося им со Стасом «глухаря». Не будучи склонным к пустопорожним умозаключениям и мечтательству и трезво оценивая ситуацию, он хорошо понимал, что, скорее всего, на раз-два эту историю распутать не удастся. И самое сложное в ней — избыток подозреваемых. Уже сейчас их десять человек. И это только начало расследования! Даже если разбираться только с этими десятью, времени потратить придется уйму. Но и это еще бы ничего, если бы имелись хоть какие-то характерные моменты в почерке преступника: во времени, месте или способе осуществления убийства... Да, такой факт, что Токарнов убит из браунинга, можно считать бесспорным. И будь сегодня жив Чумакин, он же — Браунинг, о финале расследования можно было бы не беспокоиться. Но Чумакин сейчас в морге. Эта ниточка к убийству журналиста кем-то предусмотрительно (причем очень хитро!) оборвана. И поэтому вероятность того, что их со Стасом ждет скорый успех, упорно стремится к нулю...

В этот момент, едва не притерев боком «Пежо» Гурова, мимо на бешеной скорости промчалась дорогая иномарка — черный «Майбах». Скорее всего, решил порезвиться какой-то мажор, любитель поиграть в шашечки. Обогнав Льва, «шашечник» еще больше прибавил ходу. И тут... Гуров вдруг увидел впереди на пешеходном переходе женщину, которая катила детскую коляску. Шла она на зеленый сигнал светофора, но «шашечник» сбрасывать скорость, как видно, и не думал. Исход происходящих на глазах Гурова событий решали мгновения. Льву было яснее ясного, что если ополумевший «шумахер» не изменит траектории своего пути, он сметет с дороги и маму, и ее ребенка. Даже то, что она предусмотрительно катила коляску не перед собой, а позади себя, едва ли могло спасти малыша от угрозы погибнуть под колесами.

Казалось, еще доля секунды, и свершится нечто, весьма печальное. Но в этот момент водитель «Приоры», которую обходил «шашечник», как видно, вовремя через зеркало заднего вида заметив лихача и в долю секунды оценив ситуацию, резко кинул свое авто влево. Раздался громкий грохот. Лихача закрутило и кинуло в сторону осевой линии. Закрутило и «Приору». Движение на дороге тут же встало. Многие даже не успели понять, что же произошло. Из кабины «Майбаха» с трудом выбрался долговязый юнец, который, что-то достав из кармана, пьяно пошатываясь, направился к «Приоре», из которой, с трудом открыв искореженную дверцу, выбрался интеллигентного вида мужчина средних лет.

Немедленно остановив автомобиль, Гуров поспешил к ним. Мама с коляской, все еще пребывая в оцепенении, ошарашенно взирала на битые машины и образовавшуюся пробку. Тем временем «шумахер», мотая перед лицом хозяина «Приоры», как успел разглядеть Гуров, пистолетом, пьяно орал на всю округу:

— Ты че творишь, падло?! Ты знаешь, козел дебилский, сколько стоит моя тачка?! Да я сейчас из тебя решето сделаю!

— Молодой человек! — вытирая кровь с разбитого лица, с упреком в голосе заговорил его оппонент. — Я выполнил этот маневр, чтобы спасти женщину с ребенком, жизнь которых из-за вашего лихачества висела на волоске. Вам это ясно?

— Ты еще чего-то там гундишь, быдло нищевродское?! — заорал «шашечник», хватая левой рукой хозяина «Приоры» за ворот куртки, а правой рукой, в которой был пистолет, широко размахивая.

Судя по всему, он собирался нанести своему «визави» удар пистолетом по голове. Но сделать этого не успел — успевший к ним подбежать Лев Гуров вовремя перехватил его запястье и сжал в своей крепкой руке, как в тисках. Ойкнув, тот разжал руку и выронил пистолет. Гуров на лету проворно поймал оружие свободной рукой и сунул его себе в карман.

— А ну-ка! Не смей! — Лев измерил «шумахера» изучающим, пристальным взглядом. — Кто такой? Документы! — распорядился он.

В этот момент из «Майбаха» выбрались двое весьма небедно одетых парней, явно принадлежащих к народам южных регионов России. Они с угрожающим видом направились в сторону Гурова.

— Стоять! — смерив их недружелюбным взглядом, сурово предупредил Лев. — Иначе будете лежать. Документы, я сказал! — только что не прорычал он.

Инстинктивно ощутив опасность, исходящую со стороны этого очень даже сильного дяди, который взирал на него с яростью разозленного тигра, мажор нехотя достал из кармана дорожкой куртки «от кого-то» водительское удостоверение и техпаспорт своего авто. Взглянув на глянцево поблескивающие пластиковые прямоугольнички документов, Гуров вполголоса вслух прочел:

— Курашевич Антуан Аркадьевич, год рождения тысяча девятьсот девяносто девятый... А где полис обязательного страхования?

— Нету... — шмыгнув носом, буркнул мажор.

В этот момент где-то рядом замигали проблесковые маячки гаишников, и к месту ДТП торопливо подошли двое — капитан и старший лейтенант. Представившись (при этом у «шумахера», услышавшего звание и место работы Гурова, сразу же вытянулось лицо, а его дружки, топтавшиеся рядом, шмыгнули обратно в «Майбах»), Лев изложил коллегам суть происшедшего. Обратив их внимание на необходимость тестирования мажора на алкоголь и наркотики, он сел в свой «Пежо» и продолжил путь домой.

Когда Гуров вошел в свою квартиру, Марии дома еще не было. Поворошив память, он вспомнил, что сегодня в театре, где служила супруга, намечен бенефис в честь юбилея одного из ветеранов сцены. Очевидно, мероприятие еще продолжалось, раз Мария до сих пор не пришла. Быстро поужинав, Лев сел за компьютер и в течение часа просмотрел всю возможную информацию о предполагаемых фигурантах дела об убийстве журналиста. Исходя из той груды фактов, каковой он располагал к этому моменту, «фаворитом» расследования в наибольшей мере стал вырисовываться Паша Тротил. И прежде всего потому, что у него были мотивы, потому, что он был близко знаком с Браунингом, на данный момент уже отбывшим в мир иной. Кроме того, у Тротила за плечами было несколько тюремных сроков, в том числе за крупные финансовые аферы, вымогательство и даже убийство.

Запросив в поисковой системе сведения о Брухашко, Лев увидел высветившийся на экране монитора целый ряд заголовков интернет-материалов, посвященных данному «авторитету». В том числе и уже знакомый материал Токарнова о деятельности тротиловской шайки «черных риелторов». Еще раз просмотрев его, Гуров внимательно изучил и все прочие материалы. В частности, статью некой Лилии Форинт, посвященную судьбе Павла Брухашко. Читая жизнеописание Тротила, Гуров обнаружил немало интересного.

Как оказалось, когда-то, в школьные годы, Брухашко посещал музыкальную школу и причем подавал большие надежды как музыкант. Все, кто его знал, ожидали, что Паша

пойдет в консерваторию и станет вторым Паганини. Но этого не случилось. С какого-то момента одаренного, прилежного мальчика словно подменили. Он вдруг забросил учебу, начал курить и употреблять спиртные напитки, подворовывать у своих однокашников. А в девятом классе, не дожидаясь конца учебного года, вообще ушел из дома и связался с какой-то шайкой малолетней шпаны. Он стал жить где придется — в каких-то общагах, притонах, а «оперившись», как член криминальной шайки, снял себе однушку. Дела его шли в гору, и всего через год он стал главарем своей шайки. Их криминальная компания вначале занималась мелкими кражами в супермаркетах, из машин, из квартир. Потом начала торговать наркотиками. И тут шайку взяли...

Свое совершеннолетие Павел встретил на нарах. Правда, срок ему дали не слишком большой — три года общего режима, поэтому, выйдя на свободу «положенцем», он тут же взялся за старое. Но действовать теперь стал умнее и хитрее. За время отсидки, которое он не терял даром, Брухашко почти наизусть выучил УК и многое другое, что могло бы ему помочь в опасном и нелегком «труде» вора и мошенника. И впрямь, ловко перекладывая грязную работу на своих подельников, теперь он гораздо чаще выходил сухим из воды. Но все равно случались и накладки, и Паша Тротил еще несколько раз отправлялся за решетку.

...Читая этот очерк, Гуров никак не мог понять: что именно своим опусом хотела сказать читателям Лилия Форинт? Если в одних абзацах повествования ощущалось осуждение действий «положенца», то в других — чуть ли не восхищение его «организаторскими талантами» и «его природным оптимизмом и умением держать удар».

«Надо же! — усмехнувшись, мысленно отметил Лев. — У него есть еще и природный оптимизм. Интересно, какой оптимизм он дарил бедолагам-старикам, которых лишал жилья и имущества?!»

Нашлись в интернете сведения и о Славе Тормозе. Этот «железный дровосек» (как себя именовал он сам) когда-то работал матросом торгового флота. Попутно «подрабатывал»